

**ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ**

ВЕСТНИК

**научной сессии факультета
философии и психологии**

Выпуск 23

Воронеж 2023

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ

ВЕСТНИК

**научной сессии факультета
философии и психологии**

Выпуск 23

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2023

УДК 001(082)
ББК 6/8
В38

Редакционная коллегия:
Ю. А. Бубнов (ответственный редактор),
С. Н. Жаров (зам. ответственного редактора),
К. М. Гайдар, Е. Н. Ищенко, Д. Г. Кукарников,
Л. А. Кунаковская

Вестник научной сессии факультета философии и психологии / [отв. ред. Ю. А. Бубнов]; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2023. – Вып. 23. – 129 с.
ISBN 978-5-9273-3859-7

Для научных работников, аспирантов, студентов, а также всех интересующихся актуальными проблемами философии, культурологии, психологии, педагогики.

УДК 001(082)
ББК 6/8

ISBN 978-5-9273-3859-7

© Воронежский государственный университет, 2023

© Оформление. Издательский дом ВГУ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

- Гайдар К. М.** КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ
СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ
ОБЩЕНИЯ 5
- Серебрякова Е. Г.** НОНКОНФОРМИЗМ КАК ФЕНОМЕН
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА: СТРУКТУРА И ДИНАМИКА 15

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Коровин В. Ю.** ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ ФОЛЕЖНОЙ
ИКОНЫ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ 25
- Сулимов С. И.** МИФОЛОГИЧЕСКОЕ И ЦИКЛИЧЕСКОЕ
ПОНИМАНИЕ ВРЕМЕНИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ 30
- Тихонова И. Ю.** НАРРАТИВ КАК СПОСОБ
ИДЕНТИФИКАЦИИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ 36
- Шаповалов И. С.** ПРОФАНАЦИЯ СМЕРТИ
И САМОУБИЙСТВА В СИСТЕМЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ ЭНДИ УОРХОЛА 42
- Шурина В. Г.** ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НЕОМИФЫ:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ
ТУРИЗМЕ В РОССИИ 48
- Шурыгина М. А.** ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО:
СО-БЫТИЕ ТВОРЦА И СОЗЕРЦАЮЩЕГО 54

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

- Абдалина Л. В., Моу Шужань.** ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ САМОРЕАЛИЗАЦИИ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
СРЕДЕ ВУЗА 61
- Азнаурьянц А. А.** РЕЛИГИОЗНОСТЬ ЛИЧНОСТИ
И ЕЕ ВИДЫ 67

Велимедова О. В. ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ РАЗВИТИЯ НАРКОМАНИИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ	72
Воротягин А. В. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДИСЦИПЛИНИРОВАННОСТИ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА	77
Завгородняя И. В. ПСИХОСОМАТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ РЕПРОДУКТИВНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН	82
Зайцев А. В. КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ СФОРМИРОВАННОСТИ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО-КОНТРАКТНИКА К ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ	89
Кончакова Е. В. ПОМОГАЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПСИХОЛОГА: ПОНЯТИЙНЫЙ АНАЛИЗ	95
Лебедев М. А. КУЛЬТУРА УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМАНДИРА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ	101
Лисова Е. Н. СОЦИАЛЬНАЯ УСПЕШНОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ИНТЕРНАТНОГО ТИПА	107
Малютина О. П., Дубко А. В. УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	112
Тимофеева О. В., Баушева И. В. САМООТНОШЕНИЕ ЖЕНЩИН, ПРИБЕГАЮЩИХ К МОДЕЛИРОВАНИЮ ВНЕШНОСТИ	117
Юрченко И. В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ	121
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	127

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

К. М. Гайдар

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ ОБЩЕНИЯ *

В современном мире резко усилилась роль коммуникации благодаря расширению межличностных, межрегиональных и международных контактов в области политики, экономики, науки, культуры, во всех сферах жизнедеятельности человека. Коммуникация все более усложняется, становясь мощным действенным средством, организующей силой, оказывающей влияние буквально на всю жизнь человека. Коммуникация стала особо важной составляющей системы оснований и условий становления, функционирования и развития общества, достижения людьми жизненного благополучия.

Заметную роль коммуникативные процессы играют в трудовой деятельности. Коммуникативная компетентность специалистов существенно влияет на их успешность в этой деятельности, служит профессионально значимым фактором, особенно для тех, кто является представителем так называемых социономических профессий, т. е. работает в сфере «человек – человек». Сегодня работодатели предъявляют повышенные требования к так называемым «мягким навыкам» (soft skills), среди которых коммуникативной компетентности принадлежит особое место.

Основы коммуникативной компетентности будущих профессионалов закладываются в процессе обучения в вузе. Очевидно, не случайно, в действующей в настоящее время версии федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования в качестве одной из обязательных компетенций, которыми должны обладать все выпускники вузов, независимо от уровня и профиля образования, фигурирует способность «... осуществлять деловую коммуникацию...» (уровень бакалавриата), «...применять

---

* © Гайдар К. М., 2023.

современные коммуникативные технологии...» (уровни специалитета и магистратуры). Эта компетенция отнесена к разряду универсальных и к категории «Коммуникация». С учетом сказанного представляется актуальным исследование коммуникативной компетентности студентов.

Вопросами анализа, диагностики и формирования коммуникативной компетентности занимаются многие отечественные и зарубежные психологи (Н. В. Александрова, А. А. Бодалев, Ю. Н. Емельянов, Ю. М. Жуков, В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова, Л. А. Петровская, В. М. Погольша, В. А. Тарабанова, Н. Д. Творогова, Э. Г. Эйдемиллер; М. Аргайл, Дж. Уайменн, Ю. Хабермас, Р. Харре и др.¹ Несмотря на довольно прочные традиции, сложившиеся в области изучения коммуникативной компетенции личности, до сих пор имеются, условно говоря, «белые пятна». Основная проблема, на наш взгляд, состоит в противоречии между реально существующим и требуемым уровнем коммуникативной компетентности специалиста в условиях современного общества, с одной стороны, и между необходимостью формирования высокого уровня коммуникативной компетентности у студентов для их профессиональной успешности и недостаточным учетом этого фактора в учебном процессе вуза, с другой стороны. В частности, до сих пор не получила достаточного освещения в психологической литературе связь коммуникативной компетентности и направленности общения. Углубленная разработка этой и других тем позволит яснее понимать особенности формирования коммуникативной компетентности в студенческом возрасте. Это, в свою очередь, откроет перспективы целенаправленного психологического сопровождения студентов в вузе с акцентом на их коммуникативное развитие.

Исходя из вышеизложенного, мы сформулировали цель исследования следующим образом: изучение особенностей коммуникативной компетентности у студентов с различной направленностью общения. Соответственно, объектом исследования выступила коммуникативная компетентность личности, а его предметом – особенности коммуникативной компетентности студентов с различной направленностью общения.

В нашем исследовании мы исходили из следующего рабочего определения коммуникативной компетентности: это социально-психологическая характеристика личности, обеспечивающая эф-

фективность ее общения с другими людьми. На основе анализа и обобщения данных, содержащихся в литературных источниках, в структуре коммуникативной компетентности мы выделили следующие компоненты:

1) когнитивный компонент – социальный интеллект как «...способность к познанию социальных явлений, которая составляет лишь один из компонентов социальных умений и компетентности, а не исчерпывает их»².

2) поведенческий компонент – коммуникативные техники, под которыми подразумевают в соответствии со структурой человеческого общения: а) коммуникативные умения (организовывать текст сообщения в адекватную форму, строить высказывания, гармонизировать собственные внешние и внутренние проявления, получать обратную связь, преодолевать коммуникативные барьеры и др.); б) интерактивные умения (строить общение на гуманной, демократической основе, инициировать благоприятную эмоционально-психологическую атмосферу, осуществлять самоконтроль и саморегуляцию, организовывать сотрудничество, руководствоваться принципами и правилами профессиональной этики и этикета, активно слушать партнера); в) социально-перцептивные умения (адекватно воспринимать и оценивать поведение партнера в общении, распознавать по невербальным сигналам его состояния, желания и мотивы поведения, составлять адекватный образ другого как личности, производить благоприятное впечатление)³.

3) мотивационный компонент – ценности общения, которые имеют жизненно важное значение для субъекта и которые он воплощает в системе межличностных контактов. К ценностям общения мы отнесли: открытость, искренность, доброту, доверительность, сопереживание, интерес к людям, следование традициям и нормам профессионального общения, творческий подход к ситуации общения, терпимость к людям, тактичность, способность вызывать у других уважение, симпатию, одобрение, поддерживающий стиль общения.

В качестве особенностей коммуникативной компетентности рассматривали уровни развития ее структурных компонентов.

Под направленностью общения нами понималась совокупность более или менее осознанных личностных смысловых установок и ценностных ориентаций в сфере общения, индивидуальная

«коммуникативная парадигма», включающая представления о смысле общения, его целях, средствах, желательных и допустимых способах поведения в общении. Вслед за С. Л. Братченко мы рассматривали следующие шесть видов направленности личности в общении (НЛО): диалогическая направленность (Д-НЛО), авторитарная (АВ-НЛО), манипулятивная (М-НЛО), альтероцентрическая (АЛ-НЛО), конформная (К-НЛО), индифферентная (И-НЛО)⁴. Каждый из этих видов направленности общения характеризуется определенными признаками.

1. Д-НЛО – ориентация на равноправное общение, основанное на взаимном уважении и доверии, ориентация на взаимопонимание, взаимную открытость и коммуникативное сотрудничество, стремление к взаимному самовыражению, развитию, сотворчеству.

2. АВ-НЛО – ориентация на доминирование в общении, стремление подавить личность собеседника, подчинить его себе, «коммуникативная агрессия», когнитивный эгоцентризм, «требование» быть понятым (а точнее требование согласия с собственной позицией) и нежелание понимать собеседника, неуважение к чужой точке зрения, ориентация на стереотипное «общение – функционирование», коммуникативная ригидность.

3. М-НЛО – ориентация на использование собеседника и всего общения в своих целях для получения разного рода выгоды, отношение к собеседнику как к средству, объекту своих манипуляций, стремление понять («вычислить») собеседника, чтобы получить нужную информацию, в сочетании с неискренностью, ориентация на развитие и даже «творчество» (хитрость) в общении, но односторонняя – только для себя за счет другого.

4. АЛ-НЛО – добровольная «центрация» на собеседнике, ориентация на его цели, потребности и т. д. и бескорыстное жертвование своими интересами, целями, стремление понять запросы другого с целью их наиболее полного удовлетворения, но безразличие к пониманию себя с его стороны, стремление способствовать развитию собеседника даже в ущерб своему собственному развитию и благополучию.

5. К-НЛО – отказ от равноправия в общении в пользу собеседника, ориентация на подчинение силе авторитета, на «объективную» позицию для себя, ориентация на «некритическое согласие» (уход от противодействия), отсутствие стремления к действитель-

ному пониманию и желания быть понятым, направленность на подражание, реактивное общение, готовность «подстроиться» под собеседника.

6. И-НЛО – такое отношение к общению, при котором игнорируется оно само со всеми его проблемами, доминирование ориентации на «сугубо деловые» вопросы, «уход» от общения как такового.

Нами была выдвинута основная гипотеза о том, что соотношение уровней структурных компонентов коммуникативной компетентности у студентов с различной направленностью общения неодинаково. Она была конкретизирована в частных гипотезах:

1) студенты с преобладающей диалогической направленностью общения по сравнению с другими студентами обладают более высокими уровнями развития таких структурных компонентов коммуникативной компетентности, как социальный интеллект и техника общения, а также менее противоречивой структурой ценностей общения;

2) студенты с преобладающей индифферентной направленностью общения по сравнению с другими студентами обладают более низкими уровнями развития таких структурных компонентов коммуникативной компетентности, как социальный интеллект и техника общения, а также более противоречивой структурой ценностей общения;

3) по сравнению со студентами с альтероцентрической и конформной направленностями общения для студентов с манипулятивной направленностью будут характерны более высокие уровни социального интеллекта и техники общения как структурных компонентов коммуникативной компетентности, а также более противоречивой структурой ценностей общения.

С целью проверки основной и частных гипотез было проведено эмпирическое исследование на базе факультета философии и психологии Воронежского государственного университета. В нем приняли участие студенты-психологи старших курсов в количестве 130 человек. Выбор старшекурсников в качестве объекта эмпирического исследования не был случайным. Мы считаем, что в процессе обучения в вузе именно к старшим курсам у будущих психологов складывается коммуникативная компетентность как целостное профессионально значимое психологическое образование.

И это позволяет эмпирически определить уровни развития ее структурных компонентов.

В соответствии с теоретически обоснованной структурой коммуникативной компетентности были подобраны и модифицированы методики, позволяющие установить эмпирическим путем уровень развития каждого структурного компонента коммуникативной компетентности и на основе этого сравнить ее особенности у студентов с различной направленностью общения. Использованные методики служили реализацией метода стандартизированного самоотчета (для диагностики структуры коммуникативной компетентности) и проективного метода (для изучения видов направленности общения). Перечислим их.

1. Методика исследования социального интеллекта Дж. Гилфорда и М. Салливена, адаптированная для российской популяции Е. С. Михайловой (Алешиной)⁵. Предназначена для изучения системы интеллектуальных способностей, связанных с познанием поведенческой информации, – когнитивного компонента коммуникативной компетентности. Четыре субтеста методики направлены на последовательную диагностику таких структурных компонентов социального интеллекта, как: способность предвидеть последствия поведения людей; способность к логическому обобщению различных невербальных реакций человека; способность понимать изменение значения сходных вербальных реакций человека в зависимости от контекста вызвавших их ситуаций; способность понимать логику ситуаций взаимодействия, значение поведения людей в этих ситуациях. В результате обработки данных можно определить как уровень развития перечисленных компонентов, так и уровень развития социального интеллекта в целом как структурного компонента коммуникативной компетентности студентов.

2. Методика изучения техники общения. Направлена на определение уровня владения техникой общения, составляющей поведенческий компонент коммуникативной компетентности. Нами был использован модифицированный вариант методики изучения техники общения Н. Д. Твороговой⁶. Методика включает в себя 28 показателей, позволяющих диагностировать четыре составляющих техники общения: вербальные средства общения; экспрессивные средства общения; уровень эмпатии; навыки общения.

3. Методика «Уровень соотношения ценности и доступности в сфере профессионального общения». Служила для изучения мотивационного компонента коммуникативной компетентности. За основу была взята методика «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах», предложенная Е. Б. Фанталовой⁷. Она была модифицирована нами в соответствии с задачей изучения ценностей общения и уровня рассогласования в мотивационной сфере у студентов как будущих профессионалов. В методике были использованы 12 понятий, означающих ценности общения, регулирующие, по нашему мнению, межличностное взаимодействие с другими людьми в процессе профессиональной деятельности. Испытуемым была предложена техника их попарного ранжирования.

4. Методика «Направленность личности в общении (НЛО)» С. Л. Братченко. Предназначена для определения преобладающего вида направленности субъекта в общении как совокупности осознанных личностных смысловых установок и ценностных ориентаций в сфере межличностного общения⁸. Стимульный материал методики НЛО представляет собой набор неоконченных предложений. Респонденту предлагается продолжить каждое из них таким образом, чтобы получилась законченная фраза. Это завершение рассматривается как ответ респондента (проективный материал). Для обработки проективного материала используется предложенная С. Л. Братченко система категорий, то есть каждому ответу на основании сопоставления с характеристикой видов НЛО присваивается определенная категория. Кроме качественной оценки по категориям каждому из ответов приписывается также количественный балл (от 1 до 5) в зависимости от степени полноты и четкости выраженности в нем определенного вида направленности (количественная оценка). Баллы по каждой категории затем суммируются, и таким образом выводится итоговая оценка для испытуемого. Она позволяет определить преобладающий вид НЛО.

Перейдем к полученным результатам.

Согласно усредненным данным диагностики уровня социального интеллекта в выборке испытуемых, установлено, что у изученных нами студентов наблюдается средний уровень социального интеллекта как структурного компонента коммуникативной компетентности и его отдельных составляющих. Лишь такая со-

ставляющая социального интеллекта, как прогноз последствий поведения обнаруживает уровень развития выше среднего. То есть в целом студенты демонстрируют хорошую способность в ряде ситуаций межличностного общения предвидеть последствия поведения людей, понимать логику ситуаций взаимодействия, значение поведения в них других людей, понимать и логически обобщать различные невербальные реакции человека. Но в некоторых случаях могут испытывать с этим затруднение.

Полученные результаты изучения техники общения свидетельствуют о том, что общий уровень развития этого компонента коммуникативной компетентности у студентов средний. Исключение составляет эмпатия, которая развита на низком уровне. Иными словами, можно говорить о хорошем владении студентами-психологами как вербальными, так и невербальными средствами общения, адекватном использовании различных коммуникативных умений и навыков.

Результатам эмпирического изучения ценностей общения как мотивационного компонента коммуникативной компетентности позволили выявить следующую картину. Наиболее значимыми ценностями общения выступают такие, как «терпимость к людям» и «тактичность», а наименее значимыми – «интерес к людям», «доверительность» и «поддерживающий стиль общения». Мы полагаем, что сочетание этих ценностей как наиболее и наименее значимых может создать для будущих психологов определенные трудности в качественном выполнении своих профессиональных обязанностей в будущем, в эффективном общении с людьми, так как, судя по приведенным данным, они делают больший акцент на деловое, формальное общение. Структура ценностей общения оказалась недостаточно гармоничной, поскольку были зафиксированы рассогласования между представлениями испытуемых о значимости и доступности для них предложенных для оценки ценностей общения. Итак, можно сделать вывод о том, что мотивационный компонент коммуникативной компетентности студентов развит на среднем уровне.

Теперь раскроем частоту встречаемости в выборке студентов разных видов направленности общения. Согласно нашим данным, выявлены:

1) 31,0% испытуемых с преобладающей диалогической направленностью общения (Д-НЛО);

- 2) 23,0% испытуемых с преобладающей авторитарной направленностью общения (АВ-НЛО);
- 3) 3,0% испытуемых с доминирующей манипулятивной направленностью общения (М-НЛО);
- 4) 26,0% испытуемых с преобладающей альтероцентрической направленностью общения (АЛ-НЛО);
- 5) 2,0% испытуемых с преобладающей конформной направленностью общения (К-НЛО);
- 6) 15,0% испытуемых с преобладающей индифферентной направленностью общения (И-НЛО).

Поскольку не было обнаружено достаточного числа испытуемых с доминирующими манипулятивной и конформной направленностями общения, то последующий анализ проводился без учета этих данных, то есть сравнивались уровни структурных компонентов коммуникативной компетентности у студентов четырех групп – с преобладанием следующих видов направленности общения: Д-НЛО, АВ-НЛО, АЛ-НЛО и И-НЛО. Сравнение уровней развития компонентов коммуникативной направленности у студентов с разными видами направленности общения проводилось с помощью t-критерия Стьюдента.

В итоге гипотеза получила подтверждение. Были выявлены отличительные особенности коммуникативной компетентности студентов с различной направленностью общения:

- 1) у студентов с диалогической и индифферентной направленностью общения в уровне развития социального интеллекта: студенты с Д-НЛО имеют более высокий уровень оценки невербальной экспрессии и способности познавать межличностные ситуации в динамике; в уровне рассогласования значимости и доступности ценностей общения: студенты с Д-НЛО обладают средним уровнем расхождения «ценности» и «доступности» в сфере общения, а испытуемые с И-НЛО – высоким; в уровне владения техникой общения: студенты с Д-НЛО обладают более высоким уровнем развития этого компонента коммуникативной компетентности, чем испытуемые с И-НЛО. То есть можно утверждать, что студенты с доминированием этих двух видов направленности общения отличаются по уровню развития компонентов коммуникативной компетентности: студенты с И-НЛО обладают самым низ-

ким уровнем развития ее компонентов, а студенты с Д-НЛО – наиболее высоким;

2) выявлены статистически значимые различия между общими показателями техники общения у испытуемых с диалогической и авторитарной направленностью общения (у студентов с Д-НЛО – средний уровень, с АВ-НЛО – низкий уровень), а также у студентов с альтероцентрической и авторитарной, альтероцентрической и индифферентной видами направленности (студенты с АЛ-НЛО обладают средним уровнем владения техникой общения, а респонденты с АВ-НЛО и И-НЛО – низким уровнем);

3) выявлены различия в степени рассогласования значимости и доступности ценностей общения у студентов с диалогической и авторитарной направленностью общения: испытуемые с Д-НЛО обладают менее противоречивой структурой ценностей общения, нежели студенты с АВ-НЛО.

---

¹ См. : Александрова Н. В., Тарабанова В. А., Эйдемиллер Э. Г. Коммуникативная компетентность – эффективность в профессии // Журнал практического психолога. – 1999. – № 7. – С. 24–31; Аргайл М. Психология счастья / Общ. ред. и вступ. статья М. В. Кларина. – Москва : Прогресс, Б. г. – 332 с. ; Бодалев А. А. Личность и общение : Избр. труды. – Москва : Педагогика, 1983. – 272 с. ; Емельянов Ю. Н. Активное социально-психологическое обучение. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – С. 81–85; Жуков Ю. М. Диагностика и развитие компетентности в общении / Ю. М. Жуков, Л. А. Петровская, П. В. Растяльников. – Москва : Изд-во МГУ, 1990. – 104 с. ; Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 504 с. ; Петровская Л. А. Компетентность в общении. Социально-психологический тренинг. – Москва : Изд-во МГУ, 1989. – 216 с. ; Петровская Л. А. Развитие компетентного общения как одно из направлений оказания психологической помощи // Введение в практическую социальную психологию / Под ред. Ю. М. Жукова, Л. А. Петровской, О. В. Соловьевой. – Москва : Смысл, 1996. – С. 150–167; Уайменн Дж. М., Джайлс Г. Коммуникация в межличностных и социальных отношениях // Хьюстон М., Штребе В., Стефенсон Дж. Перспективы социальной психологии. – Москва : Эксмо, 2001. – С. 343–371; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие = *Moralbewusstsein und Kommunikatives Handeln* / Под ред. Д. В. Складнева. – Санкт-Петербург : Наука, 2006. – 377 с. ; Argyle M. *The Psychology of Interpersonal Behav-*

-
- ieur. – London : Penguin Books Ltd, 1967. – 223 p.; Harré Н. Rom. Social being : a theory for social psychology. – Oxford : Blackwell, 1979. – 438 p. и др.
- ² Ушаков Д. В. Социальный интеллект как вид интеллекта / Д. В. Ушаков // Социальный интеллект : теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Ушакова, Д. В. Люсина. – Москва : Ин-т психологии РАН, 2004. – С. 26.
- ³ См. : Жуков Ю. М., Петровская Л. А., Растянинников П. В. Диагностика и развитие компетентности в общении. – Москва : Изд-во МГУ, 1990. – 104 с. ; Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 504 с.
- ⁴ См. : Братченко С. Л. Диагностика личностно-развивающего потенциала : методическое пособие для школьных психологов. – Псков : Б. и., 1997. – 68 с.
- ⁵ Михайлова (Алешина) Е. С. Методика исследования социального интеллекта. Адаптация теста Дж. Гилфорда и М. Салливена : Руководство по использованию. – Санкт-Петербург : ГП «ИМАТОН», 1996. – 56 с.
- ⁶ Практикум по психодиагностике : Прикладная психодиагностика / Сост. И. Ю. Белякова, И. В. Бурмистров, А. И. Зинченко. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1992. – С. 26–48.
- ⁷ Фанталова Е. Б. Об одном методическом подходе к исследованию мотивации и внутренних конфликтов (на контингенте больных артериальной гипертонией и здоровых лиц) // Психологический журнал. – 1992. – Т. 13. – № 1. – С. 107–117.
- ⁸ Братченко С. Л. Диагностика личностно-развивающего потенциала : методическое пособие для школьных психологов. – Псков : Б. и., 1997. – 68 с.

Серебрякова Е. Г.
НОНКОНФОРМИЗМ КАК ФЕНОМЕН СОВЕТСКОГО
ОБЩЕСТВА: СТРУКТУРА И ДИНАМИКА *

Изучение советского нонконформизма имеет давнюю традицию. Ее основу в 1960-70-е годы заложили западные политологи и советологи, предложившие различные подходы к феномену. Одним из них было изучение нонконформизма как одного из вариантов социального поведения советского человека.

---

* © Серебрякова Е. Г., 2023

Работы представителей «тоталитарной школы» (Х. Арендт, З. Бжезинского, Б. Вольфа и др.) базировались на утверждении, что в тоталитарных режимах каждый человек, будучи морально независимой личностью, угнетен властью. «Истинная» природа человека реализуется в неконформистском поведении, бунте против государственного давления.

Представители ревизионистской школы (С. Коэн, Ш. Фитцпатрик, Дж. А. Гетти, Л. Виола и др.) разрушили представление о советском человеке как жертве режима. По мнению ученых, личность в тоталитарном государстве сохраняет автономность и самостоятельно избирает стратегию социализации: например, «двоемыслие» в официальной и частной сферах позволяло советскому человеку адаптироваться к политическому режиму¹. При этом исследователи выбирали в качестве объекта исследования советское общество 1930-х годов, период, когда оппозиционные настроения не выражались публично, а неконформизм не носил характер общественного явления.

Изучение неконформизма в нашей стране началось со второй половины 1980-90-х годов. В историографии появился ряд основательных трудов, подробно осветивших характер противостояния инакомыслящей интеллигенции и власти (Л. М. Алексеева, А. Б. Безбородов, А. А. Данилов, Ю. Ф. Лукин и др.)². Однако научный дискурс тех лет представлял собой парафраз советской историографии революционного движения в России, что проявилось в недостаточном критицизме при анализе специфики диссидентского дискурса как радикального варианта неконформизма, способов интерпретации политической истории страны и типов самооценок членов сообщества. Исходная позиция суживала исследовательские задачи, определяла тенденциозность научных выводов.

Преодолев «диссидентоцентризм» 1990-х годов, современное научное сознание сформировало глубокое понимание эпохи 1960–70-х годов как общественно-исторического явления: выявлены механизмы взаимодействия руководства страны и общества, осмыслена логика функционирования политической цензуры, прослежено становление неконформизма как общественного феномена, охарактеризованы взаимоотношения интеллигенции и власти, дана классификация движения протеста, указаны мировоззренческие основания различных оппозиционных течений.

При этом гуманитарии продолжают искать новые парадигмы исследований. Одно из них – изучение советского человека как особого культурно-антропологического типа, выявление «советского» компонента самосознания, специфики социальных и культурных практик, поведенческих реакций, вариантов нарратива. Это направление разрабатывается как зарубежными, так и отечественными гуманитариями.

В новейшей западной историографии реализуется концепция «советской субъективности» (Й. Хелльбек, И. Халфин, Дж. Фюст и др.). Субъективность трактуется Й. Хельбеком как способность личности «мыслить и действовать, вытекающая из согласованного и целостного ощущения себя»³. Ее анализ производится через языковые практики власти, по мнению историков массово усвоенные советскими людьми и определившие их способы самооценок и созидания собственной личности. Язык назван основным средством формирования личности в рамках государственного дискурса, человек видится субъектом и объектом власти.

Предложенная методика была поддержана молодым поколением российских исследователей, представители которого зачастую попадали в западные вузы на сравнительно раннем этапе профессиональной подготовки и воспроизводили господствовавшие там новейшие направления и идеи. Так, некоторые постулаты и понятия М. Фуко («технологии себя», «технологии власти»), принятые за основу концепции «советской субъективности», получили дальнейшую разработку в трудах О. В. Хархордина и А. В. Юрчака. О. В. Хархордин, изучив дискурсивные практики власти, пришел к выводу, что идентичность советского человека формировалась в процессе взаимодействия внешнего давления и способности человека к саморегуляции. Общество разоблачало пороки гражданина, а индивид соотносил себя с требованиями социума и корректировал личностные недостатки⁴. А. В. Юрчак декларировал необходимость отойти в изучении советской субъективности от бинарного принципа «подавление-сопротивление». По мнению ученого, «нормальный» советский человек не поддерживал систему и не был к ней оппозиционен, а воспроизводил только форму идеологических высказываний системы, изменяя их смысл, и таким образом сохранял автономию от государства⁵.

Исследователи «советской субъективности» дали методологию анализа языка и семантики советского общества, сделали значительные наблюдения о механизмах формирования личности, применимые к представителям различных социальных групп и профессиональных сообществ, но в целом не искали возможной ориентации советского человека на иные, помимо официальных, дискурсивные практики и культурные традиции, вероятно считая оппозиционный способ самоидентификации непоказательным для выявления типологии сознания.

Ориентация на новаторские методы исследований, явственно заявившая о себе в отечественной академической науке последних лет, стимулирует индустрию новых подходов к истории. С. Бойм отмечает, что «новаторские теоретические и философские подходы открывают новые ракурсы, ведут к необходимой историографической рефлексии, помогают отстранить клише и снять табу на определенные типы исследования»⁶, однако таят в себе опасность беспрерывного конструирования все новых теоретических схем и моделей, находящихся «в очень опосредованных отношениях с личным или историческим опытом»⁷. Риск отступить от исторической точности ради оригинальных концепций в таком случае весьма велик. Одним из негативных результатов может оказаться научная непроработанность проблем, ошибочно кажущихся разрешенными, как, например, проблема культурно-антропологической типологии советских оппозиционеров. В 1970-е годы С. Д. Довлатов в художественной прозе иронизировал над неразличимостью советского и антисоветского типа личности⁸. В 1980-е это суждение поддержали П. Л. Вайль и А. А. Генис в книге «60-е. Мир советского человека». Характеристика оппозиционеров по советскому культурно-антропологическому типу, данная «шестидесятниками» всякий раз со значительной долей самокритики, прозвучала как аксиома в книге А. В. Юрчака⁹. К сожалению, представив партийных активистов и их идейных противников зеркальным отражением друг друга, автор создал, по оценке К. Платта и Б. Натанса, «такое впечатление о диссидентстве, которое граничит с карикатурой»¹⁰.

Следует признать, что без научного ответа до сих пор остается ряд принципиальных вопросов: какова структура нонконформизма, каково содержание «советского» компонента в сознании и

самосознании нонконформистов, на каких культурных основаниях он базировался, подвергался ли трансформации и в какой степени.

Ответы на эти вопросы требуют ясности в толковании основного термина – «нонконформизм». Очевидно, что в соответствии со сферой применения его семантика корректируется. В социально-политической сфере «нонконформизм» означает неприятие личностью или сообществом официальной идеологии и дискурса власти, что чревато оппозиционностью и социальным протестом.

В аксиологическом плане в единое семантическое поле входят понятия «инакомыслие», «свободомыслие», «вольномудство», «духовная свобода», указывающие ориентацию личности на самостоятельность мышления, независимость творческой и интеллектуальной позиции, свободу от доминирующих в обществе нормативов. Ориентация на нравственную ценность нонконформизма не определяется профессиональной принадлежностью, но может стать основой объединения в сообщества и группировки. Основу сообщества нонконформистов в советской культуре составляла интеллигенция, традиционно осуществлявшая общественную функцию диалога с властью.

Художественный нонконформизм входит в одно семантическое поле с понятиями «неофициальное», «запрещенное», «андеграундное», «подпольное», «другое», «второе» искусство. Эти определения роднит указание на пространство функционирования – вне официальных сфер. Общим свойством нонконформистских художественных явлений в СССР исследователи (Е. Ю. Андреева, Ю. Я. Герчук, Т. А. Круглова, А. В. Скиперских, Г. А. Соколов и др.) считают сопротивление «советским культурным стандартам» (Е. Ю. Андреева)¹¹, независимость творческих исканий авторов, ориентацию на эстетику, отличную от соцреализма, поиск новых парадигм развития. Нонконформизм в искусстве трактуется как оппозиционность господствующему эстетическому канону, художественная декларация свободы творчества.

В повседневно-бытовой культуре нонконформизм проявляется в нарушении человеком преобладающих стандартов в образе жизни, поведении или одежде.

Как видим, конституирующим признаком является протестное содержание, составляющее сущность феномена. Однако нонконформизм имеет сложную структуру: в ней можно выделить базовые осно-

вания и вариативные свойства. Базовые категории – оппозиционность властному дискурсу, неприятие официальной системы норм, ценностей и поведенческих практик, декларация альтернативных парадигм культурного развития. Вариативные показатели – степень оппозиционности, уровень социальной мобильности, открытость или герметичность сообщества, своеобразие дискурсивных практик, наличие собственного информационного поля и контркультурных институций. Именно эти, вариативные свойства составляют наиболее динамичный компонент в структуре концепта и определяют самобытность конкретного культурно-исторического типа нонконформизма.

В Советском Союзе нонконформизм приобрел характер социокультурного феномена в 1960-е годы, что отражало одну из тенденций мировой культуры – активизацию протестных выступлений молодежи и становление феномена контркультуры в странах Европы и Америки. Их причины современный историк объясняет кризисом европейского общества, ростом самостоятельности интеллектуальных слоев – будущих проводников информационной трансформации общества, развитием гражданского и демократического самосознания и, как следствие, нарастающим конфликтом молодых интеллектуалов с жесткими рамками системы¹². Выработка мировоззрения нового поколения проходила на основе отторжения не только всей системы государственного порядка, но и социальных ценностей лояльности, адаптации, приспособленчества. Молодые оппозиционеры производили самоидентификацию по бинарной модели «конформизм – нонконформизм». Советские инакомыслящие, как и европейские бунтари, выстраивали схожую ценностную иерархию, отторгали любые формы конформизма.

Свободомыслие входило в систему ценностей советской либеральной интеллигенции, нашедшей для самоопределения понятие «шестидесятники» и указавшей таким образом связь не только со своей эпохой, но и с русской интеллигенцией XIX века. Поколение шестидесятников сформировалось по аксиологическому критерию: главным было единство восприятия эпохи, коллективная память, схожие способы восприятия, объяснения и артикуляции событий, типология поведения.

Шестидесятники производили самоидентификацию по нонконформистскому типу личности: базовыми ценностями выступали интеллектуальная, нравственная и творческая свобода, право на

самовыражение социальной и гражданской позиции, возможность самостоятельного и независимого выбора ценностно-нормативных ориентиров, аналитизм и критицизм в адрес власти. Эта ценностная система была сформирована европейским и русским либеральным сознанием Нового времени и в трансформированном варианте наследовалась шестидесятниками. Либерализм для советских нонконформистов не выступал политической программой, но был ценностным ориентиром, позволявшим провозглашать необходимость паритетных отношений власти и общества, автономию личности от диктата государства, социальную ответственность и потребность общественного служения, активную гражданскую позицию в отношении политических свобод и других демократических целей, право человека на самовыражение.

При этом аксиология советской интеллигенции 1960–70-х годов синтезировала ценности классической культуры и «советский» компонент. В качестве мировоззренческой основы выступали марксистская философия и идеология. Официальная идеология не разрушала базисных оснований классической модели мира и человека: идеалом выступала целостная гармоническая личность, гражданское поведение строилось с учетом общечеловеческих нравственных принципов, ответственности перед историей, страной, народом. Сталинизм, разоблаченный XX съездом партии, виделся периодом регресса в поступательном движении истории. «Главным злом мы считали чиновников, аппаратчиков во всех инстанциях, и в Союзе писателей, и в ЦК. И надеялись, что Никита (Хрущев. – *Е. С.*) их свергнет»¹³, – вспоминали переводчица Р. Д. Орлова и писатель Л. З. Копелев. Показательно, что социальное зло персонализировано в данной цитате. Речь идет о консерваторах-сталинистах, виновных в общественном застое, мешающих демократизации и либерализации общественных отношений.

Служение историческому прогрессу предполагало общественное сопротивление рецидивам сталинизма. Бескомпромиссность в борьбе с общественными пороками воспринималась шестидесятниками как проявление личностной целостности и гражданской зрелости. Мотивация сопротивления сталинизму в начале оттепели была лишена оппозиционности по отношению к власти, мыслилась как борьба за возвращение социализму его подлинной, гуманистической сущности.

Ценности гражданской принципиальности, бескомпромиссности в борьбе за социальное обновление предполагали деятельную общественную позицию и рождали стремление найти соответствующие высокой исторической миссии поведенческие образцы. Они были найдены в разночинной демократической интеллигенции, народовольцах и революционерах XIX века. Девочкой, воспитанной членами первого революционного поколения ощущала себя Л. М. Алексеева, ассоциации с народником вызывал у знакомых А. И. Гинзбург, о влиянии революционных примеров на свое юношеское мировосприятие рассказывал В. Т. Шаламов¹⁴.

Ориентация на поведенческие образцы, сформированные революционной традицией, утверждала в сознании интеллигенции представление о правильных с нравственной точки зрения действиях исторического лица. Это должны были быть поступки не только ответственные, но и честные. Одним из требований являлось четкое обозначение своей позиции на политической арене и ясно высказанные средства достижения. Ответственная позиция реализовывалась в публичных действиях и апелляции к самому широкому адресату – от представителей власти до «простого» советского человека. Так в общественной практике шестидесятников были найдены, как казалось участникам акций, действенные формы – обращения с открытыми письмами в адрес правительства, выступления с разоблачением сталинизма на партсобраниях, попытки публикации антисталинских статей в официальных СМИ, митинги и демонстрации.

Оппозиционность как главное свойство самосознания нонконформистов нарастала в связи с очевидным нежеланием руководства последовательно проводить реформы в стране. По мере усиления консервативных тенденций в общественной жизни и репрессий в адрес инакомыслящих, нонконформизм шестидесятников трансформировался в диссидентство.

Диссиденты изберут иной тип поведения, главными принципами которого станут мобильность и демонстративность поведенческой модели. Письма защиты трансформируются в письма протеста, митинги обретут провокативный характер, разнообразные Комитеты («помощи политзаключенным и их семьям», «защиты прав верующих в СССР», «Рабочая Комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях» и др.) должны будут утвердить себя как резонансные не только в советском обществе, но и за рубе-

жом и только в этом случае станут повсеместно применяемыми. Демонстративность акций легитимировала сообщество и выполняла пропагандистскую функцию – вербовала последователей.

При этом самосознание диссидентов оставалось двойственным: «советский» компонент дополнялся сознательной ориентацией на аксиологию Нового времени – гуманизм, антропоцентризм, картезианский идеал человека. Демонстративная оппозиционность диссидентов, оценка себя как индивидуумов, равных истории, нацеленных на пересоздание действительности во имя исторического прогресса, были типичны для советской системы координат. Принципы ненасилия, гласности, апелляции к закону, идентифицированные как оппозиционные, не разрушали советской идентичности. Диссидентскому варианту советской субъективности свойственна осознанная ориентация на социальную мобильность, попытка конструирования идентичности по модерному типу.

Нонконформизм как социокультурный феномен динамичен и мобилен. В соответствии с социально-политическим и культурным контекстом в его структуре происходят внутренние трансформации, смена семантических доминант или их деформация.

Нонконформизм как тип социального поведение реализуется в гражданском сопротивлении репрессивным институтам и поиске социально-политических альтернатив, а значит, является одним из механизмов социокультурного обновления.

---

¹ Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism Ordinary Life in Extraordinary Times : Soviet Russia in the 1930s.* – New York, Oxford : Oxford University Press, 1999. – 276 p.

² Алексеева Л. М. *История инакомыслия в СССР : Новейший период.* – Москва : РИЦ «Зацепя». 2001. – 382 с. ; Безбородов А. Б. *Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР 50-х – 80-х годов : учебное пособие для студентов по курсу отечественной истории новейшего времени.* – Москва : Историко-архивный ин-т ; Göttingen : Max-Planck-Institut für Geschichte, 1984. – 151 с. ; Данилов А. А. *История инакомыслия в России : советский период. 1917–1991 : учебное пособие.* – Уфа : Изд-во Восточный университет, 1995. – 102 с. ; Лукин Ю. Ф. *Из истории сопротивления тоталитаризму в СССР (20–80-е гг.).* – Москва : Изд-во МГУ, 1992. – 203 с.

³ Hellbeck J. *Working, Struggling, Becoming : Stalin-Era Autobiographical Texts // Russian Review.* – July 2001. – P. 340.

-
- ⁴ Хархордин О. В. Обличать и лицемерить : генеалогия российской личности. – Санкт-Петербург ; Москва : ЕУСПб : Летний Сад, 2002. – 507 с.
- ⁵ Юрчак А. В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – Москва : Новое литературное обозрение, 2016. – 664 с.
- ⁶ Бойм С. Как сделана «советская субъективность»? // *Ab Imperio*. 2002. – № 3. – С. 285–296. URL: <https://muse.jhu.edu/issue/30932> (дата обращения: 10.12.2018)
- ⁷ Там же.
- ⁸ Довлатов С. Д. Ремесло // *Собр. соч. : В 4 т.* Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2003. – Т. 3. – С. 20.
- ⁹ Юрчак А. В. Указ. соч. – С. 212–223.
- ¹⁰ Плат К. М. Ф., Натанс Б. Социалистическая по форме, неопределенная по содержанию: позднесоветская культура и книга Алексея Юрчака «Все было навечно, пока не кончилось» // *Новое литературное обозрение*. 2010. – № 1. – С. 167–184.
- ¹¹ Андреева Е. Ю. Угол несоответствия. Школы нонконформизма. Москва – Ленинград 1946 – 1991. – Москва : Искусство – XXI век, 2012. – 382 с.
- ¹² Шубин А. В. «Красный май»: что это было? // *Новое прошлое*. – 2018. – № 4. – С. 42.
- ¹³ Орлова Р. Д., Копелев Л. З. Мы жили в Москве : 1956–1980. – Москва : Книга, 1990. – С. 29.
- ¹⁴ Алексеева Л., Голдберг П. Поколение оттепели. – Москва : Захаров, 2006. – С. 10 ; Александр Гинзбург : русский роман / авт.-сост. В. И. Орлов. – Москва : Русский путь, 2017. – С. 72 ; Шаламов В. Т. Четвёртая Вологда // Шаламов В. Т. *Собр. соч. : В 4 т.* – Москва : Худож. лит. : Вагриус, 1998. – Т. 4. – С. 94–95.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

В. Ю. Коровин ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ ФОЛЕЖНОЙ ИКОНЫ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ *

Еще до недавнего времени такое явление религиозной жизни как «фолежная икона» не становилась предметом самостоятельного культурологического рассмотрения и музейного экспонирования. Вместе с тем в эпоху позднего СССР сложные бриколажи с использованием фольги массово изготавливали сельские и городские кустари, а множество молельных образов по-прежнему сохраняются в домах жителей Воронежской области. Только в последние годы наметился профессиональный интерес к сохранению и изучению этого стремительно исчезающего наследия; выпускаются даже специальные каталоги, посвященные локальным традициям фолежных икон¹.

Летом 2022 года по приглашению автора данной статьи Воронеж посетила экспедиция под руководством директора Учебно-научного центра визуальных исследований Средневековья и Нового времени РГГУ, доктора исторических наук Дмитрия Игоревича Антонова и научного сотрудника Дмитрия Юрьевича Доронина. В ходе совместного обследования населенных пунктов Рамонского района удалось собрать и описать множество «воронежских образцов» фолежной иконы. Некоторые материалы в феврале 2023 года были представлены на выставке «Советские иконы: религиозные артефакты коммунистической эпохи» в Музее истории религии (Санкт-Петербург). Экспозиционный ряд данного выставочного проекта показал, что одним из наиболее актуальных вопросов остается связь традиции создания советской иконы с бытованием «расхожих образов» XIX века. Настоящая статья призвана наметить контуры будущей программы исследований.

---

* © Коровин В. Ю., 2023.

В российской провинции фольга как отделочный материал долгое время не имела широкого распространения и приобреталась, либо в «галантерейных лавках» старой столицы, либо в Хотьковом монастыре. «Сверкающую фольгу» и «золоченую бронзу» обыкновенно употребляли для «печатания тканей золотом и серебром», в «отделке поднизов» – головных девичьих уборов или при изготовлении литографических «портретов с выпуклостями». Не удивительно, что в предместьях Воронежа небольшие по размеру иконы, «обделанные фольгой», получили свое распространение сперва в среде поместного дворянства и только в 1840-е годы. Изготовление икон в помещичьих усадьбах могло входить в круг «домашних рукоделий», подобно тому, как это описано в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина». Примечательно, что первый «обложенный искусно фольгой», в ящичке-киоте, живописный образ («Печерския Божия Матери») в церковь с Новоживотинного в 1850-м году подала дворовая женщина помещика Волкова².

Воронежская глубинка долгое время и вовсе не знала фолезного типа икон. Состоятельные обыватели уездного Павловска в углах своих комнат предпочитали помещать один большой образ «в вызлащенной раме», «обложенный золотом». Крестьяне-однодворцы на полках божниц расставляли «чрезвычайно дурно» написанные иконы «фряжской работы», которые приобретались у офеней по 10, 20 и 30 копеек серебром. В «малороссийских хатах» имелись посредственные иконы большого («почти до стола») размера, написанными по красному полю или на полотне местными самоучками-живописцами. Крестьянки Бирюченского уезда домашние образа «на холсте», вместо окладов и багетных рам, украшали гирляндами гвоздик, васильков и дикого шафрана, а в соседнем Богучарском уезде иконы «обряжали» цветами из гаруса, любистком, канупером и калиной³.

Что касается живописного храмового искусства, то в южных уездах преобладало «яркое, но невежественное письмо», помещаемое в резные рамки без стекол, либо в позолоченные (зачастую – створчатые) киоты из красного дерева. Иконы «простой работы» украшались медными ризами (иногда – с золотым венком), а почитаемые «одевались» в серебряную (84 пробы) ризу «гладкой или чеканной работы». В предместьях Воронежа храмовая живопись

вообще не отличалась разнообразием, поскольку иконные лавки при церквях повсеместно отсутствовали, а в монастырях выбор святынь был крайне ограничен. Вплоть до 1850-х годов написание икон было делом «подрядчиков всяких работ», «державших в городе между собою стачки»⁴, а прочие «ремесленники живописи» занимались «оттиском на серебряной бумаге» дешевых образков в оловянной оправе⁵. Как правило, только вельможные заказчики, как более сведущие в живописном деле, обращались к иногородним мастерам.

В переформенное время рынок сбыта иконописной торговли стал постепенно расширяться благодаря новой продукции владимирских иконников. Привозимые ими «красные образа» получили убранство в виде разноцветных риз, венцов, угольников и колонок-арабесок, выполненных из тонкой разноцветной фольги (латуни), которая закупалась в Москве и на Нижегородской ярмарке. На сельских базарах эти произведения «суздальского художественного ума» раскладывались на земле, возле горшков, колес и кадок и продавались по невысокой цене, сообразно с размером икон⁶.

После 1861 года недорогую фольговую икону стали производить и южнорусские центры иконодельного промысла. В слободе Борисовка Курской губернии еще с XVIII столетия существовал женский монастырь, куда влиятельный граф Борис Шереметев выписал из столицы мастеров-живописцев. Последние обучили борисовских обывателей живописному делу, и те повели дело самостоятельно, без крупных мастерских. Работали иконописцы на местных скупщиков и по заказам монахинь севского, борисовского, курского и других окрестных женских монастырей, где образа «обделывали» восковыми цветами и «золотой» или «серебряной» фольгой, покрытой тонким слоем воска (под мат). Материал производительницами покупался у местных торговцев – по 100 листов в книжке, и был более лучшего качества, чем у мстерских и холуйских мастеров. «Блестящие по внешней фольговой отделке» работы борисовцев сбывались на дальних ярмарках, куда стекалось огромное число паломников-простолюдинов, в том числе из Воронежской губернии. Не удивительно, что в 1880-е годы примеру Борисовского монастыря последовали женские общежительные обители Воронежской епархии, а в Лысогорском Успенском монастыре Новохо-

перского уезда был заведен отдельный разряд рукодельниц, трудившихся над украшением икон искусственными цветами.

В слободе Алексеевка Бирюченского уезда, неважной и мало доходной вотчине тех же Шереметевых, живописный промысел развивали «сосланные» за провинности дворовые люди. Среди них попадалось немало «образцовых пьяниц, но и очень хороших мастеров», которые со временем обучили малярству местных крестьян, получавших «хорошие цены» за выполнение церковных иконостасов⁷. Когда после упразднения крепостничества в слободе возникли подрядчики «по побочным отраслям иконописного ремесла», продукция алексеевцев стала в больших количествах развозиться на волах чумаками. С проведением в 1895 году линии Харьковско-Балашовской железной дороги кустари завязали сношения с крупными торговыми центрами, значительно расширив зону своей торговли до 2000 кв. верст⁸. На 1905-й год в Алексеевке «живописным делом» (большей частью на холсте) занимались 20 дворов и 25 рабочих, а «позолотой по дереву» (включая рамками для икон) – 150 дворов и 200 рабочих.

Несомненное влияние «алексеевская кустарщина» оказала на крупную слободу Бутурлиновку Бобровского уезда, в которой проживало более 20000 человек. Еще при помещичьем праве это селение славилось искусными золотарями, которые после отмены крепостного права обратились к изготовлению икон. На рубеже веков в Бутурлиновке работали мастера-иконописцы Иван Андреев, Тимофей Салогуб, Григорий и Василий Спельники, а отделкой фольгой занимались Емельян Боровик, Григорий Лысенко, Павел Салогуб и Василий Яковенко⁹. Их «подфолежные в рамках» работы приобретались скупщикам на месте и далее мелкими гуртовыми барышниками разносились по крупным ярмаркам в Семейках, Ольховатке и Россоши. По 2 руб. за штуку иконописный товар охотно раскупался здешним крестьянством, привыкшим к большим и заметным в темных углах образам.

Благодаря народной популярности, «фольгушки» в 1880-е годы начали постепенно проникать в интерьеры приходских церквей. Так, в Николаевской слободе Бирюченского уезда в 1883 году ктитор Иван Короп пожертвовал сразу две иконы в фольговой ризе – образ Василия Юродивого и небольшую поясную икону Спасителя в полукруглой раме¹⁰. В скором времени неизвестными лицами бы-

ли поданы икон св. Василия Великого в фольговой ризе за стеклом, украшенной бусами и образ Казанской Божией Матери с фольговым венцом. Тогда же в храм слободы Прогорелой Богучарского уезда прихожане приобрели аналойные выносные иконы Св. Митрофана и Тихона «в фольговых ризах и в рамах под стеклом»¹¹. А в бывшем городе Ольшане старинную икону Николая Чудотворца клирики обрядили в фольговую ризу, чтобы износить ее по домам для служения молебнов¹².

К началу XX века в воронежских деревнях появились настоящие мастера-надомники, которые выделывали на заказ недорогие, но самобытные фолежные иконы. Большой известностью пользовались работы Ивана Лукича Линникова из Старой Хворостани, отмеченные в 1896 году дипломом Нижегородской выставки. И все же возможностей кустарей и мастерских было недостаточно для того, чтобы «фольгушки» вытеснили в храмах «обыкновенную живопись» и новые «хромофотографические листки». Согласно описи имущества церкви с. Хвоцеватого Землянского уезда, из 45 настенных и выносных икон только большой образ Николая Чудотворца был облачен в «фольговую позлащенную ризу», а Богородичная икона «Козельщанская», привезенная из Борисовской Тихвинской пустыни, имела деревянный киот, украшенный фольгой»¹³. В Синодальный период истории продукция фольгоуборочных мастерских успела закрепиться лишь в домашнем обиходе, а с началом антирелигиозных кампаний советской власти ее популярность стала заметно возрастать.

---

¹ Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Иконы советской эпохи: лики традиции. – Москва : Индрик, 2022. – 184 с.

² ГАВО. И-84. Д. 1066. Оп. 1.

³ Ткачев Г. Этнографические очерки Богучарского уезда // Памятная книжка Воронежской губернии на 1865–1866 годы. – С. 164.

⁴ Воронеж в воспоминаниях современников, XIX – первая четверть XX века. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2017. – С. 141.

⁵ Журнал Министерства государственных имуществ. – 1854. Март. – С. 155.

⁶ Свящ. Н. Н. Несколько слов о продаже икон // Воронежские епархиальные ведомости. – 1881. – № 8. – С. 342.

---

⁷ Ноздрин Р. Слобода Алексеевка Бирюченского уезда (Черты из истории слободы и ее современного быта) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1905 год. – С. 39.

⁸ Менжулин В. П. Экономическое состояние крестьян Бирючинского уезда в связи с отрицательными факторами их внутреннего быта, хозяйства и внешней природы // Памятная книжка Воронежской губернии за 1903 год. – С. 45.

⁹ Справочный указатель кустарных производств и кустарных мастеров. – Вып. 3. – Санкт-Петербург, 1899. – С. 235.

¹⁰ Воронежские епархиальные ведомости. – 1889. – № 17. – С. 742.

¹¹ Воронежские епархиальные ведомости. – 1884. – № 22. – С. 816.

¹² Воронежские епархиальные ведомости. – 1882. – № 11. – С. 368.

¹³ Пятницкий храм села Хвощеватого / Автор-составитель В. Ю. Коровин. – Воронеж : Воронежская областная типография, 2018. – 126 с.

С. И. Сулимов

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ И ЦИКЛИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ВРЕМЕНИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ *

Современная философия истории располагает рядом моделей исторического процесса, каждая из которых акцентирует внимание на каких-то особенностях данного действия и не замечает другие его специфические черты. Примерами таких моделей могут служить финализм, циклизм, прогрессизм, неоциклизм и т. д. Однако все эти подходы едины в одном: они рассматривают историю как цепь повторяющихся или неповторимых изменений. Возникает закономерный вопрос: кто и когда впервые предпринял попытку создать модель процесса имманентной, земной истории? Ответ известен: первым историком считается Геродот из Галикарнаса. Но почему именно он? Почему в то время, когда все народы мира придерживались мифологической парадигмы осмысления истории, античные греки в лице Геродота и его читателей от этого подхода отказались? И насколько полным был их отказ? В данной работе мы предпримем попытку ответить на эти вопросы.

---

* © Сулимов С. И., 2023.

Мифологическое понимание истории изначально было характерным для всех народов и культур. Его важной особенностью является представление о неизменности мира, потому что носитель мифологического мировоззрения не отделяет себя от природы в полной мере и поэтому полагает, что неизменность природных ритмов иллюстрирует стабильность мирового порядка вообще. Однако вопрос о возникновении этого порядка всё-таки беспокоит человека, и поэтому приходится разделять время на сакральное и профанное, то есть время становления мирового порядка и время его существования. Любопытно, что мифологическое мировоззрение представляет творение мира как оформление, как внесения порядка в хаос, а не возникновение мира из ничего, на котором настаивают авраамические религии. Но приведение бесформенного хаоса в порядок всё равно оказывается за пределами человеческой исторической памяти и воспринимается, как свершившийся факт, неповторимый и поэтому не требующий участия. Именно от этого сакрального события обычно начинается отсчёт человеческого, профанного времени. Отечественный исследователь Е. М. Сергейчик так характеризует общую для всех мифологических учений идею: «Общий пафос творения в мифологии – это внесение в природную и социальную стихию порядка, то есть переход от хаоса к космосу. Хаос видится как мрачная, тёмная бездна, пустота, или как нерасчленённое единство стихий – воды, огня, или населён ужасными чудовищами, змеями, драконами, безобразными великанами, гигантами, с которыми богам и героям приходится бороться, чтобы установить порядок. <...> Культуротворческая деятельность первогероев и богов строго разделяет время на время творения – священное (сакральное) и время эмпирическое (профанное), в котором живут люди, следуя раз и навсегда данным нормам и образцам поведения»¹.

Характерно, что божество-демиург, завершив сакральную работу по оформлению мира, в жизни мира участия почти не принимает. Можно условно сказать, что профанное время принадлежит людям, которые вместе с богами и духами придерживаются единожды установленного порядка, тиражируя вчерашний день в завтрашний и считая это повторение единственным возможным подходом ко времени. Для некоторых народов свойственно представление о том, что профанное время иногда завершается, и тогда

происходят новые сакральные события, знаменующие начало новых циклов. Таковы были воззрения индийцев, исповедующих брахманизм, и скандинавов до принятия ими христианства, а также греков до наступления классической античности. Например, древнегреческий поэт Гесиод полагал, что до современной ему эпохи миновало уже четыре «века»: золотой, серебряный, бронзовый и медный, а сам поэт живёт в «железном» веке. Каждой из этих сакральных эпох соответствуют оригинальные особенности, которые распространяются не только на стиль жизни, но даже на человеческую природу. Например, «золотой» человек в анатомическом и психическом плане имеет с «железным» человеком очень мало общего. После того как главные особенности той или иной сакральной эпохи богом-демиургом (Кроном, Зевсом) намечены, начинается профанный цикл, в котором не может произойти ничего принципиально нового². Даже целенаправленные человеческие усилия не могут изменить мировой порядок, потому что человек является органичной частью этого порядка. И, наоборот, новый замысел или даже смена божества-демиурга (например, Зевс сверг Крона и занял его место) меняет сакральный порядок и его профанные следствия. Вид людей, живущих в новом цикле, закономерно меняется. Можно сказать, что история «золотого» мира и «золотых «людей не имеет никакого отношения к «железным» людям и поэтому они даже помнить её не могут.

Воззрения Гесиода не оригинальны: приблизительно так же видели чередование сакральных событий и профанных эпох скандинавы, что и выразили в своём дохристианском сочинении «Вёлуспа», и даже жители доколумбовой Америки. Однако именно в Древней Греции возникло представление об истории как о профанном процессе, и интерес исследователей сосредоточился именно на земных событиях. Что же побудило античных греков сместить смысловой акцент с мифологического единства сакрального и профанного в исключительно профанную земную жизнь? Отечественные исследователи Т. И. Кузнецова и Т. А. Миллер выделили три причины, побудившие греков сосредоточить внимание исключительно на профанной, земной реальности³.

Во-первых, важную роль сыграло расширение географического кругозора греков в VIII–VI вв. до н. э. Расцвет мореплавания и основание заморских колоний в Крыму, на Кипре и в Италии

привело к знакомству греков с неантичными, «варварскими» народами и их представлениями о жизни. Греки невольно оказались вынуждены признать, что их собственные мифологические представления не являются единственными истинными. А главное – такое знакомство производило на греков яркое впечатление. Если учесть, что в каждом полисе счёт лет старались вести от основания города, то в профаном времени появилось множество дат, не имеющих отношения к сакральным доисторическим событиям. Например, жители греческой колонии Борисфен, прибывшие в Северной Причерноморье из Малой Азии, датировали своё время от основания колонии, но не забывали и дату основания своей метрополии – города Милета. Таким образом, если для милетцев начало их профанной истории терялось во мгле веков, то для борисфенитов этой проблема была отчасти решена в силу короткой истории их полиса и наличия земного прошлого «до основания города».

Во-вторых, немалое значение для становления исторического знания имело возникновение лирической поэзии на рубеже VII–VI вв. до н. э. Интерес к индивидуальным мотивам и намерениям человека помог грекам обнаружить важную пружину исторических событий: личный интерес. Если для Гесиода ход событий земной истории был предопределён сакральной спецификой «железной» эпохи, то для более поздних поэтов каждый человек хотя бы отчасти становился хозяином своей судьбы, а его поступки – фактором общественной жизни.

В-третьих, возникновение письменной прозы на рубеже VI–V вв. до н. э. нанесло сильный удар мифологической поэзии. Ведь теперь автор должен был пользоваться не яркими метафорами, которые так нравились Гомеру, а аргументами и ссылками на факты. На этом новом литературном языке многие сакральные события звучали как сказки или шутки. В частности, популярным жанром ранней греческой литературы стали «логосы», то есть путевые заметки странников о чужих, негреческих краях. Тем более, что благодаря греческой колонизации Средиземноморья для составления «логосов» материала нашлось более чем достаточно. И каждый путешественник, как бы ни стремился он удивить своих читателей, был вынужден учитывать законы реальности, которые не могут быть нарушены ни в какой стране никаким человеком. В частности, началось переосмысление мифов и легенд о героях, чтобы читатели

воспринимали их как рассказ о реальных событиях, а не поэтическую выдумку. То же самое касалось и сообщений о путешествиях в Персию или Египет: даже самым удивительным событиям авторы «логосов» стремились дать реалистичные объяснения.

История как исследование исключительно земного прошлого возникла в сочинении Геродота из Галикарнаса, попытавшегося соединить известные ему логосы, чтобы найти ответ на волновавший его современников вопрос: почему греки и персы стали воевать друг с другом⁴? Для этого исследователь, опираясь на множество путевых заметок, стремился выявить и проследить две исторических линии – греческую и персидскую – до их соединения, каждая из которых была исключительно земной, профанной. Это не значит, что Геродот не признавал участия в человеческих делах каких-то мифологических или метафизических факторов. Более того, его «История» полна сообщениями об оракулах, гаданиях и предопределении. Однако для нас важно не это. Сопоставляя друг с другом события, происходившие в жизни восточных монархов и греческих народных вождей, историк сформулировал алгоритм, которому подчиняются все события индивидуальной и общественной жизни: «существует круговорот человеческих дел, который не допускает, чтобы одни и те же люди всегда были счастливы»⁵. Прав он был или нет – не важно. Ведь Геродот обнаружил (или думал, что обнаружил) важнейший действующий фактор, обуславливающий события земной истории без какой-либо отсылки к сакральным событиям творения мирового порядка. Может быть, этот алгоритм и создал Зевс, но в земной истории он действует сам по себе. Эта мысль показалась грекам настолько оригинальной и интересной, что Фукидид, писавший историю Пелопонесской войны, принципиально не желал уже рассматривать сверхъестественные факторы данного процесса, и, подобно Геродоту, полагал, что в истории действует циклическое повторение вполне земных причин и следствий, самыми важными из которых являются человеческие страсти и, прежде всего, пороки⁶. Разумеется, ни Геродот, ни Фукидид не считали, будто отдельно взятый человек, сколь бы могущественным или мудрым он ни был, может изменить ритм истории. Однако оба писателя полагали, что ход исторических событий имеет вполне земное объяснение и не нуждается в ссылках на сакральное прошлое.

Очевидно, что дневнегреческая историография строилась на представлении о развитии как о реализации замкнутого цикла изменений. Строго говоря, это даже не развитие, а круговорот. Ведь, по мысли Геродота, ни один человек не может быть счастлив постоянно, а значит, никакие прочные результаты в истории невозможны. Фукидид же считал, что если людьми во все времена руководят одни и те же своекорыстные мотивы, то и результаты человеческих действий всегда будут одинаковыми. Однако очерченные обоими исследователями циклы имеют место только в земной, профанной истории и никак не соотносятся с сакральными, случившимися «давным-давно» действиями богов и героев.

Итак, в данной статье мы рассмотрели факторы, приведшие к переходу от мифологического понимания истории к циклическому. Но ведь мифологическое мировоззрение признаёт действие сакральных циклов. В чём же его отличие от античного циклизма? Хоть обе модели исторического процесса и признают существование временных и событийных циклов, понимание этих циклов у них неодинаковое. Мифологическая парадигма заключает профанное время в сакральный цикл, которому предшествует и которому последует другой аналогичный цикл, имеющий свои особенности, но всё равно сакральный, то есть как бы обрамляющий земную реальность, в которой живут земные же люди. Такой цикл неподвластен ни человеческой коррекции, ни даже подробному человеческому осмыслению. Возникший же в Древней Греции античный циклизм ориентируется исключительно на земное, профанное время, и поэтому изучаемые им даты, события и закономерности считаются актуальными для людей, доступными человеческому познанию и, более того, производными от людской воли, а значит и подлежащие корректированию. Именно поэтому циклическое понимание истории не стало лишь достоянием Геродота и Фукидида, а начало быстро развиваться и предстаёт полноценной парадигмой в трудах Полибия.

---

¹ Сергейчик Е. М. Философия истории. – Санкт-Петербург : Лань, 2002. – С. 59.

² Гесиод. Работы и дни. Теогония. Щит Геракла. – 2-е изд. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2012. – С. 95.

---

³ Кузнецова Т. И., Миллер Т. А. Античная эпическая историография. Геродот. Тит Ливий. – Москва : Наука 1984. – С. 14.

⁴ Геродот. История. В 9 кн. – Москва : АСТ, 2001. – С. 5.

⁵ Там же. – С. 91.

⁶ Фукидид. История. – Москва : Ладомир, 1999. – С. 199.

И. Ю. Тихонова
НАРРАТИВ КАК СПОСОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ
В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Феномен нарративной идентичности стал объектом социально-философских и психологических исследований еще в конце XX века. Д. МакАдамс, Дж. Брунер, Т. Сарбин рассматривали нарративную идентичность в качестве развивающегося во времени рассказа, который личность формирует на основе связывания в единое целое различных историй о себе, прошлый опыт с настоящим и предполагаемым будущим, придавая тем самым существованию осмысленность и единство. Сегодня эти исследования продолжают, но особенно интересным становится анализ нарративов в контексте исследования способов самопредставления личности в виртуальном пространстве. Рассмотрим некоторые его специфические особенности.

Нарратив распространяется в качестве способа идентификации как в реальности, так и виртуальности в той мере, в которой в обществе аннулируются образы и модели, с помощью которых субъект может обосновать свое Я. Если в социальном пространстве отсутствует модель для идентификации, закрепленная за каждой группой, индивид должен обосновать свой образ, причины его принятия и механизмы реализации для того, чтобы достичь его признания со стороны других. Поэтому нарратив предстает не просто как описание наличной ситуации, в которой оказался человек, а скорее как объяснение себе и окружающим этой ситуации в контексте определенной жизненной стратегии, причин, по которым он

---

* © Тихонова И. Ю., 2023.

сделал именно такой выбор себя, а не иной. Кроме того, распространение нарративной идентификации необходимо в условиях виртуальной коммуникации, когда реализация Я-образа возможна чаще всего в виде текста.

Человек достигает самопонимания через нарратив, составляя в единое целое разные части своего опыта и в процессе рассказа осмысливая его и истолковывая. Именно поэтому нарратив в виртуальном пространстве так важен для понимания. Субъект создает себя в нарративе. И если в реальном социальном пространстве человек имеет возможность через свои поступки идентифицировать себя с той или иной социальной группой и таким образом понять себя, то в виртуальности нарратив оказывается, по сути, самым значимым способом идентификации. Индивид не просто рассказывает о своем прошлом опыте, он создает себя через нарратив, вычлняя только те элементы своего опыта из потока существования, которые на его взгляд описывают его Я-образ в значимых на данный момент категориях.

Распространение в виртуальном пространстве получают негативные нарративы, в которых осуществляется поиск себя через противопоставление популярным в информационном пространстве образам. Эта модель идентификации через отказ быть кем-то весьма актуальна. Здесь уместно вспомнить идеи Э. Дусселя, определявшего такую позицию как пограничье¹. Сложность с конструированием идентичности предполагает манифестацию отвержения заданных образов. Произнесение фраз «я не согласен быть таким, я другой» неконструктивно с точки зрения возможности достижения само-тождественности, но позволяет установить границу того, что в культуре неприемлемо. В ситуации погружения человека в виртуальное пространство, где представлено много точек зрения, множество моделей существования, человек получает право на различие, на провозглашение этого отличия и своего несогласия. Негативное отношение к существующим нормам и выстраивание рассказа о себе через разрыв с имеющейся позицией – это реакция на навязанную кем-то определенность в обществе, стремление легитимировать плюральность. В процессе поиска себя не менее важным становится отказ от имеющихся моделей, от жестких границ и навязанных ролей. Это необходимый этап самоидентификации, однако, за ним с необходимостью должно следовать установление

собственных специфических особенностей, чего не всегда возможно достигнуть в виртуальном пространстве. Акцент на неопределенности и разнообразии дает возможность человеку укрепиться в мнении, что он может быть любым. Сегодня человеку важнее установить свое несогласие, нежели добиться консенсуса. Нарратив в этом смысле удобен для создания подвижного и текучего Я-образа. Провозглашая несогласие – я устанавливаю позицию поиска, которая аксиологически нейтральна в том смысле, что позволяет мне балансировать на границе между разными определенностями, не схватывая ни одну из них в качестве доминирующей. Кроме того, выстраивая линию повествования, личность формирует так называемую «терапевтическую историю», для которой характерна трактовка действий с позиции выбранного сюжета². Описание проблемных ситуаций, попытка в рассказе прояснить их причины, указать пути выхода из затруднительного положения – это стремление индивида посредством нарратива оправдать собственный выбор. Избавление себя от вины, перекладывание ответственности на другого, поиск детерминант происходящего инициировано желанием избежать экзистенциальных проблем в самоопределении.

Интересно, что сегодня опыт представляется настолько многообразным, что его, казалось бы, сложно свести к набору универсальных сюжетов. Однако медиапространство создает устойчивую совокупность стереотипов, которые позволяют интерпретировать действия субъектов строго определенным образом. Различные сюжеты, в которых воспроизводятся элементы опыта, представляют собой разные варианты проявления человеческого Я. Эти сюжеты являются производными от образов жизни, которые равнозначны в современной культуре и способствуют достижению целостности личности и осмысленности ее жизни с определенной точки зрения. Если в индустриальном обществе общественное мнение ориентировало субъекта на коллективный смысл существования, полагая в первую очередь идентификацию личности в профессиональной и религиозной сферах, то современное общество преувеличивает роль индивидуальных смыслов, распространяя сюжеты нарративов, связанные с личными приоритетами. В нарративах реализуются идеи освобождения от общепринятых установок, ценностей, делается упор на признании прав исключенных индивидов и меньшинств, на поиске ответственных и виновных. При этом, любой

нарратив приобретает значимость не с точки зрения реализации в нем значимого человеческого опыта, а как повествование об индивидуальных особенностях, взглядах индивида. Поэтому современные исследователи, например, Д. Кин³, Г. Франк⁴, К. Лэш⁵, критикуют бесконечные монологи участников медиасферы, которые наполнены упрощенными идеями, комментариями и мемами. Зачастую задача их заключается в том, чтобы в условиях нехватки времени и увеличения информации заявить о себе.

Нарратив позволяет посредством выражения в форме осмысленного текста состояться событию, сформировать из разрозненных эпизодов и фактов нашей биографии сюжет, разворачивающийся во времени и связывающий наше прошлое и настоящее. В нарративе снимается вопрос о подлинности Я, поскольку в рассказе нас интересует лишь то, насколько полно охватывает история жизни те события, о которых повествует рассказчик, релевантен ли нарратив опыту личности. «В конце концов, мы становимся теми автобиографическими нарративами, в которых мы "рассказываем о" наших жизнях», – писал Дж. Брунер⁶.

Нарратив оформляет субъективные переживания и действия в приемлемую и значимую для общества форму. В частности, по этой причине в виртуальном пространстве широко распространенным становится терапевтический нарратив, позволяющий человеку осмыслить последовательность событий, придать им смысл, что позволит реабилитировать реальность, принять ее и смириться с собственными действиями.

Важно еще и то, что личность создает свою историю об определенных событиях, используя значимую для виртуального пространства риторику.

Если мы обращаемся к проблемам идентификации в реальном пространстве, то там чаще всего за основу берутся природные и социальные характеристики индивида, на основании которых выстраивается, например, риторика прав, связанная с достижением возможностей развития, равного отношения и свободы действий. В виртуальном пространстве субъект ведет повествование с учетом значимых для данного пространства категорий, выделяя в большей степени те, которые наиболее важны для фиксации своего виртуального образа и оправдания того, кем человек был и кем является в данный момент. Важной становится оценка Другого (позволяю-

шая повысить собственный статус и завоевать большее внимание), чувство собственного достоинства, стремление найти истоки собственных неудач в прошлом, во влиянии Других, переложить вину на Другого и т. д.

Важно учитывать роль ярлыков, распространенных в информационном пространстве. Именно они позволяют структурировать опыт индивида таким образом, чтобы нарратив был приемлем с точки зрения императивов виртуальности. Стереотипы восприятия проблемных ситуаций позволяют при выстраивании нарратива объяснять сложные моменты биографии человека с точки зрения принятых стратегий (например, в терминах травмы, абьюза, бодипозитива, бодишейминга, аутинга, сексизма, инклюзивности и пр.).

В данной связи интересно высказывание К. Гергена о необходимости «наделить голосом нарративы прожитого опыта»⁷. То есть сам нарратив предстает как нечто автономное от индивида, который, однако, вынужден с этим нарративом работать и осмысливать его. Я не поддается оценке, анализируется лишь созданный субъектом нарратив, поступок, который в нарративе реконструируется. А следовательно, нарратив предстает не как поток переживания или случайный набор сюжетов, а именно как способ конструктивного воссоздания своей жизни и своего Я, концептуализация своих переживаний с помощью принятой Интернет-сообществом риторики.

Виртуальное пространство позволяет контролировать приемлемость тем и способ их представления в нарративе. Если нечто представляется нереалистичным или некорректным в сети, оно не включается в повествование. Таким образом, с помощью «спирали молчания» формируются границы возможного нарратива в виртуальной идентификации. Если в реальном социокультурном пространстве смыслы социальной деятельности производились согласно способам и императивам культуры, то в информационном пространстве значения и смыслы конструируются по меркам, закрепленным виртуальным пространством. Индивид в нарративе умалчивает о своей позиции, если она не является приемлемой, или если он не может четко обозначить свое несогласие и отличие, и воспроизводит только те характеристики, которые связаны с параметрами эффективности личности.

Таким образом, в нарративе сочетаются значимые для виртуального пространства темы с элементами личной истории индивида. Д. МакАдамс указывает на три элемента, которые воспроизводятся в нарративе – тон повествования, образы Я и темы, посредством которых выражается опыт личности⁸. Эти элементы являются определяющими для построения нарратива и они закреплены в виртуальности как приемлемые.

Важно отметить, что нарратив является не только способом идентификации и порождения смысла, но, прежде всего, он представляет собой механизм конструирования событий повседневности. Индивид придает значение только тем аспектам своего опыта, которые являются значимыми в виртуальности, форма представления этих событий также детерминируется медиасферой. В связи с этим меняется соотношение ролей, которые индивид играет в своей жизни. Как актер он является менее значимой фигурой, нежели автор. А потому, реальной становится история его жизни, а не сама жизнь.

Увеличивается контроль за собственными переживаниями и поступками, которые постоянно оцениваются с точки зрения того, могут ли они стать причинами и мотивами дальнейших действий личности, как повлияют они на ее возможное будущее. Контроль со стороны общества в виртуальности в большей степени нивелируется и заменяется контролем со стороны самого индивида. Он постоянно следит за самовыражением, за теми рассказами, которые становятся способами создания своего Я-образа, понимания и осмысления себя и своих возможностей в культуре.

---

¹ Dussel E. Europe, Modernity and Eurocentrism. – URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.555.3773&rep=rep1&type=pdf>

² Лехциер В. Л. Болезнь : опыт, нарратив, надежда. Очерк социальных и гуманитарных исследований медицины. – Вильнюс : Logvino literatūros namai, 2018. – С. 237.

³ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 312 с.

⁴ Франк Г. За пределами денег и информации : Экономика внимания // Цифровая экономика. – 2020. – № 4 2(10). – С. 45–51.

⁵ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. – Москва : Логос : Прогресс, 2002. – 224 с.

---

⁶ Bruner J. Life as Narrative // Social Research. – 1987. – № 54 (1). – P. 11–32. – URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1687009946&tld=ru&lang=ru&name=Bruner.doc&text>

⁷ Герген К. Дж. Социальная конструкция в контексте. – Харьков : Гуманитарный Центр, 2016. – С. 294.

⁸ McAdams D. P. Narrative Identity. – URL: https://www.sci-hub.ru/10.1007/978-1-4419-7988-9_5

И. С. Шаповалов

ПРОФАНАЦИЯ СМЕРТИ И САМОУБИЙСТВА В СИСТЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ ЭНДИ УОРХОЛА *

С 1950-х годов в европейском обществе начался активный поиск нового художественного стиля, который бы адекватно отображал реалии современного мира и актуальные потребности человека. С чем связан этот поиск нового искусства? Трагедии первой половины двадцатого века смогли нанести серьезный удар по мировой культуре в целом, так как люди ощущают беспомощность искусства перед лицом человеческой жестокости. Великий немецкий философ Теодор Адорно сформулирует это трагическое мироощущение лучше многих других мыслителей: «Освенцим нам доказал, что культура потерпела крах... После Освенцима любая культура всего лишь мусор... После Освенцима любое слово, в котором слышатся возвышенные ноты, лишается своего права на существование»¹.

В попытке спасти человечество от катастрофической реальности прошлого и вернуть смысл земному существованию, ощущение здесь и сейчас, и создается поп-арт, который быстро становится главной эстетикой общества потребления. Если искусство модерна порождало множество субъективных реальностей, различных художественных миров (занимало позицию «искусство ради искусства»), то поп-арт хочет вернуться к повседневному миру, который отныне генерируется массовой культурой и обще-

---

* © Шаповалов И. С., 2023.

ством потребления. Как заявляет король поп-арта Энди Уорхол: «Поп-взгляд давал людям понять, что они сами и есть часть истории, что им не нужно прочесть книгу, чтобы стать частью культуры, – нужно ее просто купить (как пластинку, телевизор или билет в кино)»². Таким образом, искусство поп-арта генерировало вокруг индивида развлекательный спасательный пузырь, который позволял ему полностью отгородиться от проблем прошлого и раствориться в вечном гедонистическом «сейчас».

Но поп-арт не только репрезентирует образы массовой культуры, но и содержит в себе критическое измерение, представляя собой сатиру на общество потребления с его тотальной коммерциализацией всех аспектов бытия и трансформацией человеческой жизни в рыночный товар. В поп-арте, помимо эстетизации повседневного, мы можем наблюдать попытку привлечь внимание к актуальным проблемам смерти и самоубийства.

Одна из главных и самых ярких страниц в творчестве Энди Уорхола – изображение феномена смерти и самоубийства в цикле его работ «Смерть и катастрофы в Америке» (1962 – 1964). Исходным материалом для этих произведений послужили полицейские фотоархивы и газеты. В 1960-х годах Америка была переполнена трагическими новостями о различных катастрофах, гибели самоубийц, казнях и авиакатастрофах. Объясняя, что вдохновило его начать работу над этой серией, художник сказал: «Наверное, это началось с большого фото авиакатастрофы, на первой полосе в какой-то газете: 129 ПОГИБШИХ. Я тогда писал "Мэрилин". Я осознал, что все, что я делал, наверняка было смертью. Это было на Рождество или в День труда – в праздничный день, и каждый раз, едва включишь радио, оно говорит, что-то вроде: Четыре миллиона погибли в авткатастрофах. С этого началось. Но когда снова и снова видишь, что-то ужасающее, оно вообще-то на тебя ничуть не действует»³.

В знаменитый цикл картин Энди Уорхола «Смерть и катастрофы» вошли следующие работы:

1) «129 погибших в самолете!» (1962 год) – это самое первое художественное произведение в серии. Художник создал это произведение после крушения рейса 007 авиакомпании Air France 7, в результате которого 129 человек погибли на месте, а еще один скончался от травм позже (итого 130 погибших) и только

2 выжили. Нарисованное изображение было взято с обложки *New York Mirror* 4 июня 1962 года, всего через день после аварии при взлете из парижского аэропорта в Атланту, штат Джорджия. В то время это была самая страшная авиакатастрофа, и с изображения этой трагедии Уорхол и начинает активное обращение к теме смерти в своих работах. Данная картина (черно – белая) выполнена нейтрально и лишена любого эмоционального содержания, представляя собой свидетельство о смерти как факте жизни человека и ничего больше.

2) «Серебряная автокатастрофа» (Двойная катастрофа), 1963. В этой работе Уорхол изображает сцену автокатастрофы, в которой тело скручено в очень искореженном салоне серебристого автомобиля. В данной картине художник использует шелкографию, чтобы мрачно изобразить поломанное человеческое тело и деформированный металл, в то время как отражающая серебряная краска создает игру света и тени. Одной из самых уникальных особенностей этого произведения искусства является использование двух полотен: на одном изображены пять рядов по три изображения, которые повторяют искореженный автомобиль, а второе представляет собой просто пустую серебристую поверхность.

3) «Самоубийство (Упавшее тело)», 1963. В этой картине Энди Уорхол включает в свою работу образ суицида Эвелин Макхейл. Оригинальное изображение было фотографией, сделанной студентом – фотографом Робертом Уайлсом через несколько минут после того, как 20-летняя Эвелин упала на черный лимузин с 88-го этажа Эмпайр-стейт-билдинг и разбилась насмерть. Студент-фотограф Роберт Уайлс был поблизости и сделал пару фотографий, которые попали в журнал *Life*. На снимках Эвелин выглядела умиротворенной, как будто она спала, а ее тело, в платье, в жемчугах, приняло элегантный вид, в результате чего это событие окрестили «самым красивым самоубийством». Это можно объяснить тем, что ее тело и лицо остались целыми на искореженном металле лимузина, несмотря на падение с очень большой высоты. Уорхол использовал эту фотографию для своей репрезентации образа самоубийства, повторив изображение шестнадцать раз. Он использовал копии изображения, чтобы показать, как современное общество штамповало бесконечные образы смерти и знаменитостей.

4) «Катастрофа с тунцом», 1963. Эта картина была создана Энди Уорхолом, чтобы изобразить темную сторону американского общества потребления. Это было навеяно событием, произошедшим в марте 1963 года. Две женщины из пригорода Детройта, штат Мичиган, съели сэндвичи с тунцом на обед, наблюдая за игрой своих детей. Вскоре после этого они заболели, были отвезены к врачу, а позже умерли от отравления ботулизмом из-за зараженной банки тунца марки A&P «chunk light». Позже эти две дамы были опознаны как миссис Браун и миссис Маккарти в номере Newsweek от 1 апреля 1963 года, с их фотографиями, сопровождаемыми печально известной банкой из-под тунца, которая привела к их гибели. Заурядность этих двух домохозяек, обеих среднего возраста и обычной внешности, очаровала Энди Уорхола, который запечатлел эти образы в своей картине. Каждый предмет на картине отображает символы ничем не примечательной пригородной жизни, а изображения улыбающихся женщин не несут никаких указаний на их трагическую судьбу. В данной работе показано, что такие бедствия, могут случиться с любым человеком в любое время.

5) «Электрический стул», 1964. Данная работа представляет собой холст среднего размера, который был напечатан на трафаретной бумаге серебряной акриловой краской. В центре холста изображен пустой электрический стул внутри абсолютно пустой комнаты, и этот конкретный электрический стул имеет раму с высокой спинкой и кожаные ремни, а также более длинные ремни и застежки по бокам. Перед самым стулом находится изогнутый кабель, идущий из-под сиденья, в то время как за стулом находится крошечная деревянная скамейка, изображенная у задней стены и слабо видимые буквы, на которых написано «Тишина» на правом верхнем краю холста. Важные особенности этой работы: на картинах нет ни одного человека, отсутствует какое-либо ощущение времени. Данное произведение представляет смерть как пустоту, отсутствие и тотальную тишину.

К циклу работ Энди Уорхола о смерти примыкает «Диптих Мэрилин» (1962). Портреты Мэрилин Монро он начал рисовать только после ее самоубийства в августе 1962 года, когда личная жизнь, слава и карьера актрисы были возведены в культ и стали всемирной одержимостью. Уорхол, зачарованный славой Мэрилин

Монро, использовал ее черно-белую рекламную фотографию из фильма «Ниагара» для создания нескольких серий изображений. В этих работах образ Монро воспроизводился огромное множество раз, как это можно было увидеть во всех газетах и журналах того времени. После просмотра десятков тысяч таких изображений любой зритель утрачивает способность видеть самого изображенного человека, а начинает созерцать икону и образ культуры потребления. В этом и заключается ядовитая способность общества потребления: с помощью силы масс-медиа оно превращает человека, жизнь, смерть, самоубийство в зрелищный развлекательный образ и очередной потребительский продукт на полке супермаркета.

В цикле работ Энди Уорхола о смерти, как и в других его полотнах, присутствует момент повтора изображений. Зачем вообще необходим этот художественный прием? Как пишет сам король поп-арта: «Люди каждый день делают одно и то же, в этом и состоит жизнь. Что бы ты ни делал, это все равно будет – одно и то же. Американская жизнь определено такова. Поскольку половина людей делает все, что делает, самое малое по восемь часов подряд каждый день. Повтор, повтор, повтор, повтор и сельская жизнь – повтор, повтор, повтор, повтор, так почему бы не в искусстве, повтор, повтор»⁴. То есть использование повторов необходимо в искусстве поп-арта, чтобы показать рутинизацию всей нашей повседневной жизни и воспроизводство одних и тех же образов, которые существуют в обществе потребления. Таким образом, в работах Уорхола можно зафиксировать «повторение, которое фиксирует травматическое состояние, повторение, которое защищает от него, и повторение, которое его продуцирует. Эта множественность приводит к парадоксу не только на уровне образов – одновременно жутких и бесстрастных, но и на уровне самого зрительского восприятия: зритель не поглощен (что является очень важным эффектом большинства современных эстетик: субъект, погруженный в созерцание), но и не растворен (что является эффектом большей части поп-культуры: субъект, отдавшийся интенсивности коммерческого образа)»⁵.

В чем смысл цикла работ о смерти Энди Уорхола? На заре зарождения информационного общества художник осознал и выразил, что бесконечный поток новостей, в который встроены каждый из нас, снижает ценность смерти. Смерть и самоубийство становятся

ся частью популярной культуры, цифрами и статистическими данными, которые быстро проносятся перед глазами и не вызывают никаких эмоций и переживаний. Уорхол смог показать, что смерть и самоубийство для современных людей – это такая же обыденность, как и чизбургер или бутылка «Кока-Колы».

Причиной увлеченности Уорхола темой смерти было не только ее вечное присутствие в повседневной жизни человека, но и стремление общества потребления дистанцироваться от ее воздействия. Уорхол увидел, что постоянная циркуляция образов смерти и разрушения, социальная атомизация и культурная аномия приводят к равнодушию по отношению к смерти и самоубийству. Энди Уорхол не считал, что самоубийство нужно запретить или же о смерти нужно постоянно думать, но он хотел, чтобы человек не был равнодушным к смерти и боли других людей. Как рассказывает сам Энди Уорхол: «Серия о смерти, которую я сделал, была из двух частей: первая – о знаменитых смертях, а вторая – о людях, про которых никто никогда не слышал, но я подумал, что людям иногда следует про них думать: про девушку, которая спрыгнула с Эмпайр-стейт-билдинг, или про женщин, которые наелись отравленного тунца, и про тех, кто гибнет в автокатастрофах. Дело не в том, что мне их жалко, просто люди проходят мимо, не особо переживая из-за гибели какого-то безвестного человека; вот я и подумал, что хорошо бы, чтобы этих безвестных вспоминали те, кто в обычной ситуации о них даже не подумал бы. Например, я не помешал бы Монро покончить самоубийством; я считаю, каждый человек должен делать то, что он хочет, и если это сделало ее счастливее, то ей надо было это сделать»⁶.

То есть смысл цикла работ о смерти Уорхола в равнодушном отношении к людям, к их существованию и их уходе из жизни. Как пишет сам Уорхол: «Близость к смерти похожа на близость жизни, потому что жизнь – это ничто»⁷. И это ничто каждый из нас должен увидеть и наполнить своим личным и индивидуальным смыслом.

Энди Уорхол впервые заметил, что некоторые визуальные образы пробуждают у человека сильное стремление к приобретению, а другие же оставляют его равнодушным: образы товаров и услуг пробуждают желание к потреблению, а образы смерти и самоубийства, повторенные многократно, вызывают безразличие.

Поэтому искусство поп-арта стало создавать образы с очень мощным экзистенциальным наполнением, которые были направлены на пробуждение в человеке «сознания смерти» и его эмпатии.

Таким образом, Уорхол с помощью силы искусства смог показать нам банализацию и профанацию смерти в обществе потребления. В работах поп-арта нам дан особый взгляд на современную западную культуру, которая превращает смерть в пустоту и тишину, о которой нечего сказать.

---

¹ Адорно Т. Негативная диалектика. – Москва : Академический проект, 2011. – С. 475–476.

² Уорхол Э, Хэкетт П. ПОПизм. Уорхоловские 60-е. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2016. – С. 257.

³ Голдсмит К. Я стану твоим зеркалом. Избранные интервью Энди Уорхола (1962–1987). – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2016 г. – С. 61.

⁴ Там же. – С. 83.

⁵ Фостер Х. Искусство с 1900 года. Модернизм, антимодернизм, постмодернизм. – Москва : Ад Маргинем, 2021. – С. 534.

⁶ Голдсмит К. Я стану твоим зеркалом. Избранные интервью Энди Уорхола (1962 – 1987). – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2016. – С. 134.

⁷ Уорхол Э. Философия Энди Уорхола (от А к Б и наоборот). – Москва : Изд. Д. Аронов, 2005. – С. 19.

В. Г. Шурина **ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НЕОМИФЫ:** **ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ** **ТУРИЗМЕ В РОССИИ ***

Россия, будучи одной из крупнейших стран мира с богатым культурным и природным наследием, обладает огромным туристическим потенциалом. Ежегодное увеличение турпотока (56,5 млн человек в 2021 г и 61,2 млн в 2022 г)¹, а также развитие индустрии туризма в РФ (с 2015 г. занятость в отрасли выросла в 6 раз и превысила численность в 3 млн человек)² определяют актуальность изучения сферы туризма. Однако большинство исследователей

---

* © Шурина В. Г., 2023.

рассматривает данную область в контексте экономики, маркетинга или географии (напр., Н. Нечипоренко, Г. Харитоновна, А. Бельх); другие занимаются вопросами взаимодействия культуры и туризма (И. Макарова, Н. Юдинская, Л. Варшавская). И те, и другие в своих работах приходят к выводу, что на распространение внутреннего туризма оказывают влияние не только внешние факторы, но и стратегии туристической отрасли по привлечению потребителей. Одна из них – сторителлинг (от англ. «рассказывание историй»), включающий активное распространение (тиражирование) географических неомифов – сконструированных по модели архаического мифа историй, преданий и легенд, связанных с конкретной туристической дестинацией.

Цель данной статьи – проанализировать использование географических неомифов в современном российском туризме. Задачи – уточнить определение географического неомифа, выявить черты сходства и отличия от архаического мифа, выделить специфику географического неомифа и его роль в развитии туристической дестинации.

В сфере туризма наибольшее распространение получили так называемые «географические неомифы». Прямого определения данного термина современные исследователи не дают, однако часто ссылаются на них в своих работах. Например, Маоз Азарьяху и Аарон Келлерман в 1999 году в своей статье³ описывают «символические места, которые прославляют историю и наделяют места мифическим значением, создают ощущение идентичности в месте и времени; они объединяют историю и географию с точки зрения мифа и памяти».

Действительно, географические неомифы обычно основаны на истории, культуре и традициях местных сообществ, их мифологии и символике и, кроме того, содержат элементы вымысла и/или искажения фактов. Я. В. Погребная подчеркивает, что неомиф «существует только в контексте и порождается через сопряжение как минимум двух текстов, один из которых принадлежит к архаической культуре, а другой – к современной»⁴. В работах В. П. Руднева, С. П. Батраковой, В. Б. Мириманова, Е. М. Мелетинского, А. К. Якимовича неомифологизм трактуется как: «творческое заимствование древних мифологических мотивов и сюжетов; уподобление художественного языка мифологическому

проязыку с его полисемантизмом и ассоциативностью; создание собственных (авторских, идеологических) мифологических миров и образов»⁵. Здесь важно напомнить, что неомиф функционирует в разных сферах и имеет разный характер. Миф о Петербурге – эстетический, он функционирует преимущественно в художественной сфере (литература, живопись, кино). «Москва – третий Рим» – миф политический. Хотя в основе этих сюжетов – географические дестинации, неомифы не имеют туристической специализации и изначально создаются не для нее.

Географический неомиф – это особый тип мифа, который связан с конкретной местностью или регионом. Он может содержать элементы вымысла, домыслов и искажений, которые становятся частью культурного наследия и представлений о местности. Например, «байкальское чудовище». Этот неомиф связан с мифическим существом, которое, как говорят, населяет озеро Байкал, самое большое пресноводное озеро в мире. Туристы могут совершить лодочную экскурсию по озеру и узнать легенду о чудовище, которое, как говорят, напоминает гигантского змея или дракона. Или «Легенда о граде Китеже». Этот неомиф является популярной туристической достопримечательностью Владимирской области России. В нем рассказывается история мифического города под названием Китеж, который, как говорят, погрузился под воды озера, чтобы избежать завоевания монголами. Туристы могут посетить место, где, как говорят, затонул город, и узнать эту легенду.

Поскольку неомифы создаются по модели архаического мифа, то в них сохраняются общие родовые свойства, однако есть и различия:

1. Происхождение. Мифы – это традиционные истории, которые передавались из поколения в поколение. С другой стороны, неомифы – это современные истории⁶, созданные в ответ на современные проблемы и задачи. Согласно Е. М. Мелетинскому, одна из причин «неустранимости» мифа заключается в том, что вопреки мнению позитивистов XIX века, «наука не способна полностью вытеснить мифологию, поскольку не разрешает метафизические проблемы, такие как смысл жизни, цель истории и т. п., в то время как мифология создаёт видимость их разрешения... <...> Миф обеспечивает "уютное" чувство гармонии с обществом и космосом»⁷.

2. Цель. Мифы были созданы для объяснения природных явлений, культурных обычаев и религиозных верований. К. Леви-Строс в своем труде «Культурная антропология» писал: «...цель мифа – дать логическую модель для разрешения некоего противоречия...»⁸. Неомифы создаются для придания новых значений и современных интерпретаций актуальным событиям и явлениям.

3. Авторство. Мифы часто анонимны, и их происхождение бывает трудно отследить. Неомифы же создаются конкретными людьми или группами, и их авторство обычно принадлежит заинтересованным в популяризации туристической дестинации людям и организациям (экскурсоводам, туристическим агентствам и бюро).

Типичными механизмами создания географического неомифа являются: идеализированное представление о местности или регионе; наличие символических образов и аллегорий; исторические неточности и вымысел.

К потенциалу географического неомифа обращаются представители разных направлений – краеведения, градостроения, урбанистики, туризма. Так, по мнению В. Л. Каганского и Б. Б. Родоман, в основе формирования географического неомифа лежит так называемый «культурный ландшафт», включающий в себя природно-климатические, культурные, индустриальные, этнические, историко-политические и персоналистские (культурные герои) ресурсы дестинации⁹. Например, мифологизированный образ Северный Кавказ, представляет данный регион как землю горцев и воинов, с богатой культурой и наследием и распространяется. Заметим, что миф образ в данном случае основан не на архетипическом сюжете, а на основе стереотипов о горцах в таких городах как Краснодар, Нальчик, Пятигорск, которые славятся своей кухней, культурой и гостеприимством.

Краевед Н. П. Анциферов, исследуя Петербург, раскрывает потенциал географического неомифа как инструмента формирования идентичности не только туристов, но и самих жителей города. По мнению исследователя, процесс генерации художественного образа (вымысла) на базе реальных исторических событий (биографий и т. п.) и географических ресурсов региона – мифологизация – способен сформировать «сверх текст». При этом, легенды и мифы местности непосредственно влияют на восприятие места жи-

телями, формируют их отношение, и, в конечном счете, поступки. Легенда, передающаяся из поколения в поколение, чаще всего имеет установку на достоверность и впоследствии воспринимается как реально-историческое событие¹⁰. Таким образом, создаваемый миф оказывает влияние на идентичность.

В урбанистике потенциал географического неомифа раскрывается в концепции креативного города (Флорид и Лэндри), являясь инструментом для создания среды, способствующей максимальному раскрытию человеческого потенциала. В определении ЮНЕСКО 2006 г. креативный туризм предстает как «путешествие, направленное на получение туристами опыта с активным обучением искусству, изучением наследия, особого характера места и обеспечивающее связь с местными носителями культуры»¹¹.

В сфере туризма географический неомиф также раскрывает свой потенциал как инструмент привлечения туристов, создание туристически привлекательного образа дестинации, бренда региона. Так, легенда о Бабе-Яге в деревне Кукобой Ярославской области или о Снегурочке в Костроме, активно тиражируются в рекламе туристических агентств и Интернете и ежегодно привлекают все большее число туристов в данные дестинации. Кроме того, географически неомифы могут оказывать положительное влияние на местную экономику, создавая новые возможности для местного бизнеса, внося свой вклад в формирование бренда региона. К примеру, «в Мышкине каждый четвертый получает доход от туризма, поставляя на рынок все, чем богат – *"от соленьев и вареньев до путевок в русскую парную"*»¹². То есть, географический неомиф является одним из средств популяризации и коммерциализации туристской дестинации.

Мы считаем, что, создавая новые истории или повествования, неомифы привлекают туристов, которые ищут уникальные и захватывающие впечатления. Они также могут способствовать пониманию и признанию культур, знакомя туристов с историей и традициями конкретной дестинации (например, Коломенский Кремль и сокровища Марины Мнишек; Угличский Кремль и убийство Царевича Дмитрия; Тайницкая Башня в Нижнем Новгороде и т. д.).

Таким образом, под понятием географический неомиф следует понимать особый тип мифа, связанный с конкретной местностью или регионом. основанный на истории, культуре и традициях мест-

ных сообществ, их мифологии и символике а также, но необязательно, содержащий элементы вымысла и/или искажения фактов. Потенциал географического неомифа упоминается исследователями различных областей, будь то краеведение, урбанистика, туризм. При этом значение географических неомифов неоднозначно. Они являются распространенным инструментом привлечения туристов и активно используется туристической индустрией в коммерческих целях. В отличие от традиционных мифов, не стремятся объяснить мир в целом, а лишь актуализируют и акцентируют внимание на определенном аспекте туристической дестинации. Однако к использованию и тиражированию неомифов в туризме нужно подходить осторожно. Новые мифы не должны подрывать подлинность и значимость культурных символов, их использование должно быть нацелено на сохранение культурной значимости и аутентичности дестинации, а не ее коммерциализацию. Также важно избегать искажения, уважая культуру и традиции, из которых произошли неомифы.

В целом, изучение неомифов туризма требует мультидисциплинарного подхода, который включает в себя анализ культурных, социальных, экономических и исторических аспектов. Это позволит получить более полное представление о том, как неомифы формируются и используются в туризме и как они могут влиять на местные сообщества и туристов.

---

¹ Внутренний турпоток в России в 2022 году может составить 61,2 млн человек. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/14643137>

² Туризм в России и в мире. 2022 год, итоги. – URL: <https://inlnk.ru/Qwg0eD>

³ Azaryahu M., Kellerman A. Symbolic Places of National History and Revival : A Study in Zionist Mythical Geography. Transactions of the Institute of British Geographers. – 1999. – Vol. 24. – No. 1. – P. 109–123.

⁴ Цит. по : Шакирова Т. В., Еренчинова Е. Б, Чуманова Н. А. Генезис неомифологизма : философский аспект // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 1 (93). – С. 63.

⁵ Современные мифы. – URL: <https://nlnk.ru/XOBw8a>

⁶ Современные мифы. – URL: <https://goo.su/LScqk>

⁷ Мелетинский Е. М. Миф и двадцатый век. – URL: <https://goo.su/sFqRsC>

---

⁸ Леви-Строс К. Структурная антропология. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 241.

⁹ Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство : Сб. статей. – Москва : Новое лит. обозрение, 2001. – 576 с. ; Калужков В. Н. Этнокультурное ландшафтоведение и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт : Вопросы теории и методологии исследований: Семинар «Культурный ландшафт»: второй тематический выпуск докладов. – Москва ; Смоленск, 1998. – С. 6.

¹⁰ Антипина А. С. Локально-исторический метод Н. П. Анциферова и возможность его использования для исследования поэтики литературно-художественной местнографии // Концепт. – 2014. – № 04 (апрель). – URL: <http://ekonscept.ru/2014/14092.htm>

¹¹ Цит. по: Ракуль Е. Новый вид туризма обеспечит незабываемые эмоциональные переживания. – URL: <https://inlnk.ru/84Md97> (дата обращения 22.08.2023)

¹² Чернега А. А. Конвертация ресурсов в капитал в сфере туризма (на примере городов Великий Устюг и Мышкин) // Вестник РУДН. Серия : Социология. – 2015. – Т. 15. – № 2. – С. 112.

М. А. Шурыгина
ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО:
СО-БЫТИЕ ТВОРЦА И СОЗЕРЦАЮЩЕГО *

Искусство создает особый вид коммуникации, благодаря которой осуществляется соприкосновение мира творца с миром созерцающего через художественное творение. В этом со-бытии бурлящая страсть души творца, проистекающая из сотворенного, разжигает огонь в душе Другого. В этом заключается страсть бытия творения, она передаваема и заразительна: созерцающий прикасается к смыслу, т. е. личному, глубинному переживанию мастера и рождается радость узнавания, о которой еще писал Аристотель, извлекающая из души аффекты: «В "Рассказе у Алкиноя" (Одиссей), слушая кифариста и вспомнив (пережитое), залился слезами»¹. Диалогичность искусства ставит своей целью избавление от

---

* © Шурыгина М. А., 2023.

аффектов, т. е. κάθαρσις (очищение). В данной работе, мы намерены, проанализировать то, как зарождается диалог между мастером и реципиентом посредством смысла как переживания, так как, на наш взгляд, смысл, циркулирующий в творении, передает ему действительность и заразительность, восстанавливая его бытие век за веком. Именно смысл сохраняет ценность творения без его творца для новых поколений. Но что такое художественное творение, и чем оно отличается от обычной вещи? Как происходит это заражение смыслом Другого и свершается диалог душ? В этом нам и предстоит разобраться.

М. Хайдеггер в своей работе «Исток художественного творения» отмечал, что творению присуще нечто сверх того, что составляет его художественность, оно возвещает нам об ином. Это не просто вещь или искусно изготовленное изделие, художественное творение есть слияние вещи с нечто иным, оно есть откровение самого этого иного. В художественном творении «истина сущего полагает себя в творение. Искусство есть такое полагание истины в творение»². Свет в бытии творения есть прекрасное, прекрасное же есть способ, которым бытийствует истина.

Изделие имеет некоторое родство с художественным творением, оно также произведено человеком. Но в чем же их отличие от простой вещи? Вещи субъект воспринимает как нечто уже готовое, его мысли направлены на то, чтобы выявить основные способы использования этой вещи, например, камень, из которого мастер может сделать скульптуру. Изделие – это вещь лишь наполовину, но при этом оно несет в себе нечто большее, но все же и не является творением. Изделие необходимо для удовлетворения потребностей (бытовых и эстетических) человека, но оно лишено самостоятельности, само-стояния, в отличие от творения. Дельность изделия есть его полезность и служебность, например, крестьянке необходимы башмаки для работы в поле, они служат ей. Творение так таковое способно воссоздавать свой собственный мир, оно удерживает его открытость: «Воздымаясь и высясь в себе, творение растворяет мир и удерживает этот мир во владычественной правоте пребывания»³. В этом и заключается его самостоятельность, самобытность. Однако о каком мире говорит нам Хайдеггер?

Мир – это не собрание каких-либо вещей, но и не нечто вообразимое. Он бытийствует, и в этом бытийствовании обладает

особым сущим, которое принимается человеком как нечто родное и близкое ему. Мир мы не можем созерцать, это не есть некая предметность, а то непредметное, которое овладевает нами, то, что подчиняет нас до тех пор, пока осуществляется круговорот от жизни к смерти, от благословения к проклятью. Этот мир выталкивает нас в бытие, где оглашаются сущностные решения для исторического свершения. Например, творение храма собирает воедино вокруг самого себя все пути, в которых победа и поражение, рождение и смерть, подъем и падение рисуют лик судьбы для всего человеческого. В этом открытом поле человек возвращается к самому себе и обретает свое предназначение. Однако Хайдеггер обходит стороной, как он пишет, пресловутое эстетическое переживание, которое безусловно свойственно творению, но не играет особой роли в бытии творения, так как это проявление наших аффектов, а само же творение действительностью для субъекта не обладает. Следовательно, и приписывать особую значимость этому чувствованию философ попросту не стал. Хайдеггер заключает, что разрушение мира творения всегда необратимо, и оно перестает представлять перед нами в своем былом величественном само-стоянии. Творение попадает в рамки традиции и сохранения, а созерцающим встречается как предмет. На наш взгляд, необратимость разрушения мира творения возможно лишь в том случае, если полностью отнимается его смысл. Но что есть смысл и в чем его ценность для бытия творения?

Итак, в своих рассуждениях мы подошли к следующему сюжету, а именно нам предстоит понять, что есть действительность смысла, о котором мы говорили в самом начале. В семантике смысл и значение отождествляются, однако, все же это не совсем так. Значение обладает денотатом, т. е. обозначает предмет и выражается рационально. Смысл также часто понимается как то, что мы хотим выразить с помощью разума, отсюда и отождествление этих понятий. Но смысл порой бывает рационально невыразим и не всегда обладает каким-либо предметным воплощением: «Смысл надо отличать от значения, т. е. предметно выраженного образа или понятия. Даже если смысл выражается в образе или понятии, сам по себе он вовсе необязательно является предметным»⁴. Речь здесь идет о глубинном смысле, как о нашем личном, интимном переживании. Глубинный смысл творца способен коснуться бессознатель-

ного созерцающего, тем самым выводя его в плоскость диалога с самим творцом. Это и есть радость узнавания, которую способно вызвать творение.

Этот процесс чаще всего не поддается обработке разума, а полностью обходит его, устремляясь стрелой в душу человека. Действенность смысла необходимо трактовать на онтологическом уровне, т. е. наше личное переживание обращается в смысл, когда мы его воспринимаем как качество сущего. Глубинный смысл подразумевает его сопряжение с архетипом, значение же не спрягается с ним. Здесь уместно обратиться к К. Г. Юнгу, который утверждает, что, когда какой-либо простой феномен превращается в нечто, что в соединении с другим феноменом обладает смыслом, тогда-то оно и начинает служить определенной цели, и вызывает мощный эмоциональный отклик. Мы начинаем слышать голос нашего бессознательного, который в разы громче голоса нашего разума. Сам Юнг отмечает, что влияние архетипа, независимо от того, выражен ли он через слово или нет, сильно потому что, в нем живет древний зов: «Кто бы ни говорил в первобытном образе, он говорит тысячью голосов; он очаровывает и поработает, и в то же время несет идею, которая через частное посылает нас в область неизбывного»⁵. Это как раз и объясняет почему, например, Парфенон или Колизей оказывают столь сильное впечатление на человека, увидевшего их впервые. При этом, стоит все-таки отметить, что современный человек не чувствует той причастности к ритуалам, которые в глуби веков происходили в просторе этих творений, однако, бессознательно он стремится туда, вспоминая Хайдеггера, стремится к этому простору, где обнаруживает себя судьба. Однако на нашей трактовкой мог бы не согласился Л. Н. Толстой. В своем эссе «Что такое искусство?» писатель утверждает, что правильное искусство всегда понятно другому, и оно таковым должно быть по определению. Но что значит «понятно» другому? Толстой утверждает, и тут с ним сложно не согласиться, что искусство для восприятия не требует особой подготовки, оно «действует на людей независимо от их степени развития и образования, что прелесть картины, звуков, образов заражает всякого человека, на какой бы он ни находился степени развития»⁶. Цель искусства заключается в том, чтобы вносить ясность в то, что было недоступным для понимания и в виде рассуждений. Истинное ху-

дожественное впечатление – это узнавание того, что видел когда-то, но сам не мог выразить. Безусловно здесь речь идет о радости узнавания, однако, сама эта радость узнавания может быть связана с переживанием так таковым, а не только с попыткой соотнести какой-либо предмет с набором, соответствующим ему признаков (такой вид узнавания Аристотель также выделял, но он был не единственным). Толстой скорее всего говорит о соотношении, о какой-либо конкретности и очевидности смысла, т. е. смысла как значения. Человек сознательно, пишет писатель, «известными внешними знаками»⁷ транслирует и передает созерцающему свои чувства, что делает возможным пережить их в со-бытии. Однако всегда ли возможно это заражение чувством через передачу знака?

Мы бы хотели сделать акцент на слове «известным», так как есть знаки, которые через века утрачивают свою действенность и передаваемость. Греческий языческий храм может и не произвести впечатления на современного человека, так как ему неизвестны те древние знаки, которые были понятны греку. Он может воспринимать храм как вполне красивое здание, значение и назначение ему объяснят с точки зрения его необходимости в быту. Это даст ему знание о истории храма, из чего он сделан или какому богу там приносили жертвы, но на этом спектр впечатлений может ограничиться, и созерцающий перейдет к следующему объекту. Но, наш взгляд, здесь и возникает проблема. Иными словами, утрачивая понимание древнего знака, мы не способны понять искусство того мира, тогда и Парфенон для нас будет просто зданием, а не творением, потому что значение утеряно, а разум наш этого уже не понимает. Искусство не понятно, а значит оно уже и не искусство, тогда в древности вовсе не было искусства (это идея и сегодня очень актуальна), как раз об этом и пишет Толстой. Писатель утверждает, что истинное искусство зарождается XVIII веке, и это стало возможно благодаря христианству. Следуя этой логике дохристианский мир в своей примитивности был далек от истинного, чистого искусства. На наш взгляд, проблема заключена в смене смысловой картины мира (переход от язычества к христианству). Подобные трансформации, как показала история, осуществляются всегда достаточно болезненно, ведь старые смыслы, которым уже несколько сотен лет, вырвать с корнем тяжело, а новые уже пытаются пробиться (например, Толстой яростно критикует творчество

Вагнера). Если бы мы оценивали творения ушедших эпох исключительно через знак и его предметность, то скорее всего развитие культуры было бы невозможным, ведь новое противостоит старому, а это значит, что современное поколение будет абсолютно безразлично к творениям прошлого. Исходя из этой логики, в XXI веке произведение Ф. М. Достоевского было бы неотличимо по своей значимости от простого незамысловатого детектива. Однако современный человек все же называет это классикой, которая открывает для него нечто прекрасное. Несмотря на разницу в смысловых картинах эпох, глубинный смысл работает исправно и стабильно, проникая в души нового поколения и заставляет разгадывать загадки Достоевского дальше. Безусловно, есть люди, для которых произведения Толстого или Достоевского не несут соответствующих чувств и эмоций, потому что понимание читателя не сопряжено с архетипами, дающими силу классическим текстам. В результате творчество классиков становится читателю непонятно, как было непонятны для самого Толстого и музыка Вагнера и «приятные на вид здания»⁸, которые строил «полудикий рабовладельческий народец»⁹ (греки). Порой для того, чтобы понять что-то, сначала нужно это прочувствовать. Эстетическое переживание не делает искусство грубым, как писал Толстой, оно делает возможным диалог между творцом и созерцающим совершенно на другом уровне, можно сказать, на метафизическом, если мы вспомним Ясперса, который понимал великое искусство как метафизическую шифропись. П. П. Гайденок, ссылаясь на Ясперса, пишет, что великое искусство есть искусство метафизическое, «которое через себя открывает само бытие, делает его видимым»¹⁰. Смысл творца, вшитый в метафизическую канву искусства, открывается созерцающему и переживается в со-бытии.

Смысл как переживание, как некая энергия души творца, приводит в действие его руки и появляется художественное творение – это особое бытие, в котором исток смысла художника. В самом творце исток смысла творения. Это коррелирует с мыслью Хайдеггера, который писал, что в художнике исток творения, а в творении – исток художника. Одно без другого существовать не может. Творец в сущем создает простор, расчищает открытое место, в котором всякое являет себя как нечто иное, новое и особенное, но при этом, на наш взгляд, именно благодаря смыслу, как и

бесконечно родное для созерцающего. Творение – это зеркало скрытых побуждений творца, в котором увидит свое отражение Другой. Действенность смысла изымает аффекты из души созерцающего и способна восстановить ценность бытия творения для новых поколений. Творение – это исток культурных смыслов, которые восстанавливают его мир век за веком. Однако смысл, как и сам мир, непредметен, эта та непредметность, которая возвращает нас к самим себе через диалог с чем-то иным, поистине прекрасным. Художественные творения спустя века становятся культурными феноменами, которые всегда прибывают в настоящем. Такова вещьность творения – это то настоящее, ради которого творец и занимается искусством.

---

¹ Аристотель. Поэтика. – Москва : Академия Ленинград, 1927. – С. 60.

² Хайдеггер М. Исток художественного творения. – Москва : Академический Проект, 2008. – С. 131.

³ Там же. – С. 143.

⁴ Жаров С. Н. Культура как предмет культурологии // Культурология : учеб. пособие / [сост. и отв. ред. А. А. Радугин]. – Москва : ЦЕНТР, 1996. – С. 15.

⁵ Юнг К., Нойманн Э. Психоанализ и искусство. – Москва : REFL-book ; Киев : Ваклер, 1998. – С. 28.

⁶ Толстой Л. Н. Что такое искусство? // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. – Москва : Гос. изд-во худож лит., 1951. – Т. 30. – С. 109.

⁷ Там же. – С. 64

⁸ Там же. – С. 78.

⁹ Там же.

¹⁰ Гайденок П. П. Прорыв трансцендентному : Новая онтология XX века. – Москва : Республика, 1997. – С. 319.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Л. В. Абдалина, Моу Шужань
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
САМОРЕАЛИЗАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА *

Современный этап развития российского образования характеризуется наличием большого количества межэтнических связей и отношений между российскими и зарубежными вузами. Возрастает количество иностранных студентов, желающих получить образование в ведущих российских вузах. Данный факт обуславливает культурную неоднородность обучающихся студентов. Возрастает необходимость сопровождения адаптации иностранных студентов к условиям обучения в российских вузах, изучения факторов и условий их успешного освоения будущей специальности, исследование механизмов самореализации данной категории обучающихся. По нашему мнению, именно изучение процесса самореализации у иностранных студентов будет способствовать их успешной профессиональной реализацией в будущем и желанием продолжить работать в России. Планомерное изучение процесса самореализации студентов из зарубежных стран позволит оптимизировать их обучение профессии и поднять международный престиж российского образования, а также повысить конкурентоспособность российских вузов на международной арене образовательных услуг. В связи с этим мы видим особую научную и практическую значимость изучения проблемы самореализации иностранных студентов в образовательной среде вуза.

Развитие личности студента в условиях образовательной среды вуза выступает, прежде всего, как процесс его непрерывного

---

* © Абдалина Л. В., Моу Шужань, 2023.

саморазвития и самообразования. В юношеском возрасте, в котором находится студент, ведущим типом деятельности является самоопределение. Именно данным фактом обусловлен весь индивидуальный путь развития юноши на данном возрастном этапе. Он решает для самого себя, кем он хочет стать, находит индивидуальные пути и способы самовыражения. Перед юношей стоит важная задача – реализовать самого себя, сформировать самоуважение за достигнутые результаты, используя при этом все предоставленные вузом возможности для самореализации.

Категория «самореализации» получила наиболее полное свое описание в работах ученых гуманистического направления (А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс и др.). Согласно точке зрения данных ученых, сама человеческая сущность непрерывно подталкивает его к личностному росту, человек изначально обладает потребностью в самореализации, но не всем людям удается ее удовлетворить ввиду разных социальных факторов¹.

Проблема самореализации также активно разрабатывалась в психолого-педагогических исследованиях и отражена в работах Б. Г. Ананьева, Л. С. Выготского, М. П. Гинзбурга, О. А. Конопкиной, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Б. М. Теплова и др. Авторы сходятся во мнении, что самореализация является важным условием личностной зрелости².

Согласно научным воззрениям Г. К. Селевко, самореализация студента возможна через осуществление им различных видов деятельности: трудовой, коммуникативной, профессиональной, общественно-политической, спортивно-оздоровительной³.

И. Д. Егорычева, изучавшая вопросы генезиса самореализации, утверждает, что она представляет собой последовательно сменяющиеся виды деятельности субъекта: самоидентификация, саморазвитие, самоактуализация и самореализация⁴.

В рамках рассматриваемой нами темы интересным представляются взгляды ученых, согласно которым самореализация обеспечивает раскрытие личностного потенциала, его использование личностью для самовыражения и самотворчества. Так, А. В. Машляковская под самореализацией понимает «нацеливание личности на максимальное раскрытие способностей и потенциала, гибкое поведение, творческую деятельность, самовоплощение»⁵.

С точки зрения О. С. Газмана самореализация позволяет выявить скрытые возможности человека, которые в своем проявлении обуславливают индивидуальную траекторию развития личности. Автор самореализацию рассматривает как компонент общего саморазвития человека, позволяющий в полной мере реализовать свои потенциальные возможности, проявлять адаптивное поведение согласно изменяющейся обстановки, творчески проявлять себя в профессиональной деятельности и целенаправленно достигать намеченного пути⁶.

Вслед за Л. В. Абдалиной, самореализация обучающегося, в том числе и иностранного студента, в вузе нами понимается как продуктивное воплощение им всех своих актуальных и потенциальных способностей и возможностей как субъекта профессионально-образовательного процесса в вузе и взаимодействия со всеми его участниками⁷.

При анализе самореализации иностранных студентов, мы столкнулись с наличием определённых психолого-педагогических проблем ее осуществления. Указанный аспект в рамках рассмотрения общей проблемы самореализации иностранных студентов позволяет наметить основные причины, затрудняющие данный процесс. Учет трудностей при самореализации позволяет организовать педагогическую работу со студентами таким образом, чтобы их влияние свести к минимуму. Анализ педагогических работ по указанной проблематике вскрывает не проработанность данного вопроса. Он требует более детального и всестороннего изучения с теоретической и практической точек зрения. Так, согласно данным, полученным в исследовании Чжан Пэн Хао, самореализация иностранных студентов характеризуется низким уровнем мотивационных тенденций, из-за чего снижается ее продуктивность; выявлена низкая инициативность в освоении различных сфер самореализации, наличие социальных, этнокультурных и личностных препятствий для самореализации⁸.

По мнению А. П. Козулиной, «иностранцы студенты в процессе подготовки к обучению в российском вузе испытывают ряд типичных трудностей, связанных с возникновением лингвистических, этнокультурных, финансовых проблем, а также проблем обеспечения жизнедеятельности и профессиональной самореализации»⁹.

С учетом вышеотмеченных взглядов на указанную проблематику, нами были выделены основные трудности самореализации иностранных студентов в российском вузе.

Первая трудность заключается в том, что иностранный студент неизбежно попадает в стрессовую ситуацию, начиная свое профессиональное обучение в новой для него стране. Травмирующая ситуация обусловлена рядом социальных и психологических проблем. В первую очередь стоит отметить разницу в культурных ценностях и идеалах, а также нормах поведения. Сам процесс самореализации воспринимается в разных культурах по-разному: в одних странах приветствуется движение в сторону самореализации и раскрытие своего потенциала, а в других странах это вызывает негативную оценку, особенно, когда речь идет о самореализации женщины.

Вторая трудность заключается в сложности преодоления у иностранных студентов разницы уровня довузовской подготовки. Попадая в новую страну, с другими стандартами образования, иностранный студент неизбежно чувствует разницу в уровне подготовленности и начального образования. В случае, если имеет место быть большая разница между требуемым и наличествующим уровнем в сторону пробела последнего, у иностранного студента возникает много комплексов в реализации своих возможностей. В данном случае возможны два противоположных варианта развития событий. В первом, положительном для студента варианте, он будет стремиться преодолевать возникший пробел знаний, и тем самым это будет способствовать его самореализации. Во втором, негативном для студента варианте, он замкнется в себе еще больше. Любой неуспех на первых этапах обучения может усугубить процесс самореализации.

Третья трудность самореализации иностранного студента заключается в наличии языкового барьера, который не всегда возможно преодолеть. Его наличие негативно сказывается на процесс самореализации иностранного студента. Как правило, приезжая в другую страну за получением высшего образования, студент не одинок в своём стремлении. Образуется микрогруппа иностранных студентов, приехавших совместно реализовывать свои образовательные цели. Подобный факт встречается повсеместно. Он служит надежной опорой в чужой стране. Именно единомышленники, дру-

зья, сходные во мнениях и образе жизни, служат для иностранного студента неким щитом для непривычных культурных стандартов. Однако, будучи включенным в свою микрогруппу, иностранный студент редко предпринимает попытки покинуть ее. Это значительно снижает его адаптивные возможности и стремление к самореализации в новой для него межкультурной группе. Общение на родном языке является для иностранного студента настолько приятным, что он готов этим поступиться только в образовательных целях. Досуговая же деятельность, его стремление постигать что-то новое, пробовать себя в разных видах деятельности остается нереализованной. Студент предпочитает свободное время проводить в привычном для него круге общения.

Четвертая трудность самореализации иностранных студентов является ее отсроченная временная перспектива. Так, по результатам сравнительного исследования российских и иностранных студентов выявлено, что последние отличаются более низкой оценкой своих возможностей самореализации в будущем¹⁰. Авторы предполагают, что это обусловлено социокультурными факторами: трудностями освоения новой культуры, разницей менталитетов, сложностями установления межличностных контактов, непониманием «русской души», и как следствие – сложности проявления эмоционального интеллекта согласно контексту социальной ситуации. Все это осложняет процесс самореализации и отодвигает его в далекое будущее.

Таким образом, нами выделены основные проблемы самореализации психолого-педагогического характера, среди которых наличие стрессовой ситуации пребывания в новой вузе и стране, отличной по культурным особенностям от своей страны; разница в довузовской подготовке, языковой барьер, отсроченная временная перспектива. Все указанные проблемы осложняют процесс самореализации иностранного студента в образовательной среде российского вуза. Тем самым, делая вопросы самореализации иностранных студентов, особенно актуальными с научной и практической точек зрения. Вышесказанное обуславливает необходимость целенаправленного педагогического сопровождения процессов самореализации, выявления условия и факторов, способствующих ее успешному осуществлению.

---

¹ Роджерс К. К науке о личности // История зарубежной психологии. 30-е – 60-е годы XX века. Тексты / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. – Москва : Изд-во МГУ, 1986. – С. 200–230.

² Зимняя И. А. Педагогическая психология : учебник для вузов. – Москва : Логос, 2008. – 343 с.

³ Селевко Г. К. Педагогические технологии на основе активизации, интенсификации и эффективного управления УВП. – Москва : Школьные технологии, 2005. – 288 с.

⁴ Егорычева И. Д. Самореализация как деятельность (к постановке проблемы) // Мир психологии. – 2005. – № 3. – С. 14–15.

⁵ Машляковская А. В. Педагогические условия саморазвития подростка в детском коллективе : дис. ... канд. пед. наук. – Москва, 1999. – С. 39.

⁶ Газман О. С. Педагогика свободы: путь в гуманистическую цивилизацию 21 века // Классный руководитель. – 2000. – № 3. – С. 6–33.

⁷ Абдалина Л. В. Потенциал личности как фактор самореализации // Антропоцентрические науки: инновационный взгляд на образование и развитие личности: Материалы II-ой международной научно-практической конференции : В 2 ч. / Под ред. Э. П. Комаровой. – Воронеж : Научная книга, 2015. – С. 12.

⁸ Чжан Пэн Хао Психологические особенности самореализации китайских студентов // Вестник РУДН. Серия : Психология и педагогика. – 2013. – № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-samorealizatsii-kitayskih-studentov> (дата обращения: 05.07.2023).

⁹ Козулина А. П. Модель ориентационной программы для иностранных студентов // Экономика и социум. – 2015. – № 1-1 (14). – С. 256.

¹⁰ Кудинов С. И., Кудинов С. С. Сравнительный анализ самореализации личности российских и иностранных студентов // Вестник РУДН. Серия : Психология и педагогика. 2011. – № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-samorealizatsii-lichnosti-rossijskih-i-inostrannyh-studentov> (дата обращения: 04.07.2023).

А. А. Азнаурьянц РЕЛИГИОЗНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ ВИДЫ *

В последнее время в отечественной психологической науке отмечается повышенный интерес к фундаментальным ценностным основаниям человеческой жизни, самоидентификации русского народа, религии. Обусловлено это изменениями, происходящими в американо-европейском мире, такими как целенаправленное уничтожение традиционных ценностей народов, населяющих Европу, пропаганда вседозволенности, сатанизма, фашизма и русофобии. В современной России религия и вера признаны как важная часть жизни общества. Это повлекло неизбежное движение от атеистической идеологии к религиозной, которая сегодня охватывает значительную часть населения.

Феномен религиозности давно изучается в психологии. В частности, исследуются различные векторы влияния религиозности на психику индивида.

Так, американский философ и психолог У. Джеймс еще в начале XX века описывал религиозный опыт через мистические состояния. Важным в религиозном опыте он находил вырабатываемую способность преодолевать трудные жизненные обстоятельства легко и с радостью. Определяя мистический опыт ключевым звеном своей концепции религиозности, У. Джеймс наделял его следующими свойствами: неизреченность, интуитивность, кратковременность и бездеятельность. Обращение или погружение в религию возможно с усилием воли или без такового. Иногда возможно погружение в мистическое состояние без усилия воли, когда человек сам более не в силах бороться, и помощь приходит без его участия. Существенно значимым является наблюдение У. Джеймса в отношении чувства любви, которое наполняется энергией и силой именно в религиозном опыте¹.

В 60-х годах прошлого века видный представитель американской гуманистической психологии Г. Олпорт предложил классификацию видов религиозности, выделив внешнюю религиозность и внутреннюю религиозность. По его мнению, люди, кото-

---

* © Азнаурьянц А. А., 2023.

рые выполняют лишь религиозные действия и обряды, получают от них некоторое утешение и душевное спокойствие, но этим их религиозность и ограничивается, являются представителями внешней религиозности. Они не стремятся к внутренним изменениям, обретают успокоение от приобщения к чему-то высшему, божественному. И на этом их религиозный опыт, как правило, завершается. Поскольку внешнее успокоение не подкрепляется внутренними личностными преобразованиями и духовным ростом, у них, как подчеркивал Г. Олпорт, часто развиваются неврозы. Истинная причина неврозов кроется, безусловно, не в утешительных религиозных практиках, а в неправильном – невротическом – отношении ко всему происходящему в жизни, в том числе и к религии. К представителям внутреннего вида религиозности ученый относил людей, всецело погруженных в идеи и догматы религиозной веры, выстраивающих свое мировоззрение через призму вероучения. «Такой человек живет религией», – писал Г. Олпорт². С его точки зрения, преобладающее влияние на способность к внутренней религиозности оказывает система воспитания и та психологическая атмосфера, в которой формировалась личность ребенка. Если в детстве он не испытывал эмоционального отвержения, научился принимать себя и окружающих, а также события и тяготы жизни, радости и горести, то такой человек при встрече с Богом проявит развитые способности к глубокому религиозному чувству и принятию не только знания и опыта отцов церкви, но и своих недостатков и страстей, будет работать над их искоренением. Способность к состраданию и любви к ближнему окажутся доступны ему с самого детства³. Таким образом, в концепции религиозности Г. Олпорта прослеживается связь между психологическим здоровьем и видом религиозности личности.

Большое внимание к проблеме религиозности уделяли российские религиозные деятели и мыслители прошлого. При этом в их трудах очевидным образом обнаруживаются и психологические проекции. Показательным в этом отношении являются представления о религиозности, которые развивал известный русский философ и мыслитель И. А. Ильин. Характеризуя религиозность, он утверждал, что религиозный опыт есть путь к высшей радости, доступной человеку на земле. В результате приобщения к Высшему, к Богу человек исцеляется от уныния и тягот земных,

обретает душевный покой, ощущает душевное блаженство от приобщения к первозданной гармонии, к подлинному Совершенству, в котором и заключается сущность «счастья». Но часто можно наблюдать, как человек, начинающий свой духовный путь в храме, познающий религию на практике, испытывая ощущение благодати, ставит себе целью постоянно находиться в этой атмосфере «счастья» и гармонии. И в этом кроется его психологическое заблуждение. Его причина кроется в привычке относиться к вещам и событиям, как к источнику собственного удовольствия или выгоды. Эта гедонистическая позиция ведет к формированию такого религиозного заблуждения, как гедонистическая религиозность. Следует уточнить, что в случае этого заблуждения человек получает не истинное духовное счастье, а «соматически-психическое» земное удовлетворение и органическое здоровье. Цель в данном случае оказывается не духовной и не религиозной, поскольку истинная религия находится в другом измерении духовной жизни. Гедонизм в религии (от греческого «ἡδονή» – удовольствие, приятность, радость, счастье) И. А. Ильин усматривал в поиске человеком необходимого равновесия. Поскольку в мире все уравновешенно: сон и бодрствование, покой и труд, напряжение и расслабление, разговор и молчание, человеку требуется равновесие «удовольствия» и «неудовольствия». Когда удовольствий в жизни становится меньше привычного (плотских и душевных), он ищет их компенсаций в религии и вырабатывает соответствующую гедонистическую практику. Не помышляя о духовности, такой человек стремится приспособить религиозные содержания к служению своим внутренним состояниям и внешним действиям. Оценка благоприятности происходит через чувства и субъективно ощущаемые состояния души и тела, чтобы получить максимум «религиозных» наслаждений. «От этого религия превращается в какое-то убежище для жадных до счастья неудачников, в какую-то "самолечебницу" для больных или полубольных гедонистов, где каждый изобретает для себя систему личных компенсаций, помышляя не о Боге, а о своих "жаждах" или "потребностях"»⁴. Гедонистическую религиозность, по И. А. Ильину, мы склонны рассматривать как отдельный вид религиозности.

Среди современных российских психологов, занимающихся исследованием проблемы религиозности, назовем прежде всего

Б. С. Братуся, определяя веру как общепсихологическую категорию, он утверждает, что от степени зрелости и психологического здоровья личности зависит способность и возможность правильно и осознанно делать выбор веры, в том числе и религиозной. Такой выбор принципиально отличается от тревожно-невротического подхода к вере и религии, которая становится для невротика не целью и смыслом жизни, а скорее средством, уменьшающим страх и тревогу, приносящим облегчение и временное успокоение⁵. Конечно, в последнем случае можно говорить лишь об условном личностном и духовном росте. Темп духовного роста невротической личности будет, как правило, скачкообразным, а траектория будет подчиняться «маятниковому эффекту»: от полного погружения в религиозное учение до полного отказа от его идей на какое-то время. Принятие догматов и постулатов веры часто бывает приспособлено (а по сути искажено) под невротическую личность таким образом, что более приемлемые и легко осуществимые заповеди составляют для нее главное, например внешняя религиозность во всех ее проявлениях (участие в таинствах, соблюдение постов и т.п.), а остальное, трудноосуществимое либо откладывается «на потом» (явление прокрастинации, которое может стать привычной формой поведения), либо обесценивается, в силу чего человек уговаривает сам себя, что необязательно стремиться к достижению того или иного результата, раз он является незначимым. И здесь мы имеем дело с таким видом религиозности, как защитная религиозность, которая позволяет индивиду снизить уровень психоэмоционального напряжения, тревожности, неудовлетворенности. Часто в поведении таких людей можно наблюдать различные формы суеверий. Имея церковнославянские корни, понятие «суеверие» – двусоставное, происходит от слов «суета» и «вера». Иными словами, под суеверием подразумевается «суетная вера», т. е. та, которая связана не с божественным, а с мирским. Значит, в случае, если человек считает сам себя религиозным и следует при этом определенным суевериям, можно говорить о таком виде, как ложная религиозность.

Н. В. Инина определяет причину подобных явлений как бессознательную тревогу, которую субъект стремится уменьшить. В случае с суеверием можно провести параллель с первобытными формами веры, служащими для снижения уровня тревоги. Впо-

следствии, в истории развития человеческого общества они трансформировались в некие компульсии – навязчивые действия типа стука по дереву, плевков через плечо и т. д. Часто они служат обсессивным мыслям и убеждениям – тем навязчивым страхам, которые не имеют под собой никаких рациональных оснований, возникают помимо воли человека, хотя он осознает это и критически к ним относится: боязни черной кошки, ощущения грязи, ипохондрии и пр. Религиозный невротик может снижать тревогу через навязчивое выполнение религиозного обряда, при этом он не стремится к пониманию его истинного значения, потому что главная цель состоит в снижении уровня тревоги, что достигается самим обрядовым (ритуальным) действием или фактом участия в нем⁶.

Погружение в частные смыслы вероучения также осуществляется невротически избирательно. Субъект не способен принять свое несовершенство правильно и спокойно, так же, как и неспособен принять несовершенство других. Заметим, что существует достаточно много разных видов невротических религиозных отклонений, и они требуют отдельного анализа. Но объединяет их одно: все они являются способом уменьшения тревоги и страха, и тем самым определенным стабилизирующим психику решением, не приводящим, однако, личность к истинной религиозности.

Таким образом, мы можем выделить несколько видов религиозности личности. Прежде всего это истинная религиозность и ложная – по вектору приобщения к божественному или мирскому. С другой стороны, можно различать внешнюю и внутреннюю религиозность – по форме выражения (во внешне наблюдаемом поведении или по ненаблюдаемым извне внутрличностным изменениям). Наконец, возможно дифференцировать частные виды религиозности – по ее «приложению» к тем или иным сферам активности личности: гедонистическую, невротическую, защитную и другие.

---

¹ См. : Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. – Москва : Наука, 1993. – 431 с.

² Олпорт Г. Религия и предрассудки. – Москва : Смысл, 2002. – С. 193.

³ См. : Там же. – С. 130–138.

⁴ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. – Москва : АСТ, 2002. – С. 518.

---

⁵ Братусь Б. С., Инина Н. В. Вера как общепсихологический феномен сознания человека // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2011. – № 1. – С. 25–38.

⁶ См. : Инина Н. В. Фанатизм как деструктивная форма веры // Консультативная психология и психотерапия. – 2014. – № 5. – С. 89–102.

О. В. Велимедова
ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ РАЗВИТИЯ НАРКОМАНИИ
В АЗЕРБАЙДЖАНЕ *

Наркомания в Азербайджане представляет собой наиболее актуальную психосоциальную и педагогическую проблему. В данной статье речь пойдет о психологической составляющей этой работы среди подросткового и юношеского контингента азербайджанского населения.

Согласно официальным данным, наркомания в Азербайджане молодеет и на данный момент указывается цифра 35000, что, конечно же, не соответствует действительности, реальность уменьшена, как минимум, в десять раз¹.

Наиболее уязвимой категорией являются подростки, в среде которых распространены следующие виды наркотических средств: опий, гашиш, марихуана («травка»), таблетки «экстази», а также другие лекарственные препараты с холинолитическим действием (атропин, скополамин, платифиллин, паркопан и др.) и синтетические препараты (метацин и гоматропин), а также различные препараты токсического характера. Распространенными видами токсикомании среди подростков являются: вдыхание паров химических веществ, бензина, клея, ацетона, лако-красочных веществ, а также употребление специально приготовленного концентрированного отвара чая (чифир), приводящего к тяжелой форме токсикомании – чифиромании, для которой характерно привыкание к чифиру, абстиненция и постепенное изменение личности.

---

* © Велимедова О. В., 2023.

Основным психологическим фактором приобщения подростков к наркомании является отсутствие удовлетворения и реализации своих психоэмоциональных и социальных потребностей, и на фоне этого, низкая самооценка, самоотрицание, что вынуждает подростка к поиску возможностей иррационального удовлетворения своих психоэмоциональных проблем.

Важным условием успешной психопрофилактики подростковой наркопредрасположенности в Азербайджане служит организация работы по раннему выявлению подростков, приобщившихся к наркомании, которая в каждом конкретном учебном заведении осуществляется психологом и психологической службой, функционирующей при учебном заведении в тесном сотрудничестве с врачами-наркологами Республиканского наркологического диспансера. В средних общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях Азербайджана психологами осуществляются необходимые наблюдения и индивидуальные беседы с учащимися-подростками и с их родителями, направленные на выяснение условий их проживания, семьи, изменений и отклонений в личностном развитии и поведении. Составляется так называемая «группа риска». При этом отслеживаются изменения в личности и поведении подростка, что позволяет своевременно осуществлять необходимые меры, направленные на то, чтобы помешать его уходу в аномальную среду и асоциальные группировки. Гарантией успеха в психологической работе по раннему выявлению учащихся-подростков, предрасположенных к употреблению наркотических и других одурманивающих веществ, является система скрытого наблюдения за подростком, получение информации от друзей и различных неофициальных источников, а также психодиагностическая работа, осуществляемая в средних учебных заведениях Азербайджана.

В средних общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях Азербайджанской Республики функционирует психологическая служба, разработана необходимая документация, учебно-методическая программа и пособия с учетом этнопсихологических особенностей азербайджанской молодежи, применяются необходимые психодиагностические, психокоррекционные антинаркотические методики, специально адаптированные для подросткового контингента в условиях Азербайджана.

Психопрофилактическая антинаркотическая работа проводится в лекционной аудитории с уголком наглядной агитации, оснащенным рекламными антинаркотическими плакатами, мультимедиа, соответствующей литературой, специально оборудованными стендами, позволяющими раскрыть суть наркомании.

В юношеской среде распространены синтетические наркотики на основе амfetаминa и его производных – метамfetаминa, эфедрина, катинона, меткатинона, так называемые «наркотики счастья» – экстази и «молли» (mdma), вызывающие эйфорию на короткое время, получившие в Азербайджане названия party-пати (искаженное английское party – вечеринка) и şüşə-шюше (похожее на кристалльное стекло), оказывающие пагубное влияние на центральную нервную систему и отличающиеся быстротой привыкания к ним.

Основные мотивы приобщения юношеской молодежи к наркотикам обусловлены социально-экономическими условиями и психосоциальными факторами современной жизни в Азербайджане, в том числе, социальной нереализованностью, безработицей и т. д.

Подавляющее количество юношеской молодежи в связи с зависимостью от наркотических средств не зарегистрировано в медицинских учреждениях и поэтому отсутствует факт их обращения к врачу-наркологу, психологу, психотерапевту. Это обстоятельство мотивируется общественным порицанием в виду противоречия ментальным особенностям, духовным традициям, мнительностью, нежеланием быть опозоренными со стороны родственников и знакомых, что вынуждает обращаться за помощью к гадалкам, экстрасенсам, различным целителям и другим непрофессионалам, что существенно затрудняет ими самими же процесс выхода из этой ситуации и получения необходимой помощи.

Надо отметить, что проблема молодежной наркомании в Азербайджане не приобрела масштабы бедствия и национальной трагедии, как во многих странах мира в связи с тем, что большой процент среди азербайджанского юношеского контингента составляет студенческая молодежь. Это создает благоприятные возможности для психопрофилактики наркомании.

В каждом учебном заведении, как в высшем, так и в средне-специальном, где обучаются юноши, проводятся систематические

мероприятия на антинаркотическую тематику: конференции, брифинги, круглые столы, различные собрания, конкурсы научных статей и рисунков, встречи с профессиональными врачами-наркологами, психотерапевтами, духовенством, работниками правоохранительных органов и другими специалистами. К тому же, ограничению наркопристрастия среди студенческой молодежи во многом способствует большая занятость, связанная с Болонской системой обучения. Также местная студенческая молодежь, вместе с прибывшей на учебу из регионов и провинций, пребывает в поиске заработка для самообеспечения и оплаты за обучение. Юноши при всей занятости находят время для занятий спортом, чтобы быть физически сильным, у девушек присутствует установка на создание семьи и построение карьеры.

В высших учебных заведениях Азербайджана в отличие от средних общеобразовательных и средне-специальных, психологическая служба начала функционировать недавно и психологическая работа по предотвращению к употреблению наркотических средств в вузах Азербайджанской Республике проводится по следующим направлениям:

1. Осуществляется работа по выявлению студентов с отклоняющимся поведением, их причастности к антисоциальным группам и приобщению к наркотикам;
2. Выделение среди студентов «группы риска» по отношению к наркотическим и другим различным одурманивающим веществам;
3. Проведение психодиагностической работы;
4. Проведение психопрофилактических осмотров совместно с другими специалистами;
5. Осуществление психопрофилактических антинаркотических мероприятий и пропаганды здорового образа жизни.

План и тематика по психопрофилактике наркомании согласовывается с Республиканским наркологическим диспансером и ее проведение поручается специально подготовленному персоналу из числа психологов, психиатров, наркологов и др. специалистов.

Такие мероприятия осуществляются на систематической основе каждый семестр учебного года, являются неотъемлемой частью воспитательной работы и пропаганды здорового образа жизни молодежи и содержат психологическую установку на то, что при-

общение к наркомании повлечет за собой невозможность жизненных перспектив, отсутствие самоконтроля, неспособность самостоятельно избавиться от наркозависимости, большие материальные и физические затраты, и в конечном итоге, неизбежную гибель. Тем более, что в Азербайджане, как при трудоустройстве на любую работу, так и после него, необходимо систематическое прохождение наркоконтроля, и, в случае обнаружения факта употребления наркотических средств, работника немедленно увольняют с занесением в базу данных, что влечет за собой многочисленные нежелательные проблемы. Поэтому и подростки, и юноши придерживаются положительных жизненных интересов и установок.

Таким образом, работа по предотвращению развития наркомании, проводимая с азербайджанскими подростками и юношами, направлена на формирование у них устойчивых, положительных жизненных интересов, выработке психологически устойчивой позиции – неприятию к наркотикам и сопротивляемости к провоцирующим обстоятельствам. Наряду с этим, психологической службой проводятся мероприятия по формированию гармонично развитой личности обучающихся в соответствии с ментальными особенностями, их личностного и профессионального роста и развития и психического здоровья.

---

¹ Искандерова Н. Наркомания в Азербайджане «молодеет». 04.07.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://az.sputniknews.ru/20220704/narkomaniya-v-azerbaydzhane-molodeet-443597878.html> (дата обращения: 14.08.2023).

А. В. Воротягин
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
ДИСЦИПЛИНИРОВАННОСТИ КУРСАНТОВ
ВОЕННОГО ВУЗА *

В практике военного образования на сегодняшний день остро встает вопрос формирования дисциплинированности у курсантов военного вуза. Это обусловлено тем, что в современных условиях обострения военно-политической обстановки возрастает роль личностного фактора в решении поставленных боевых задач перед офицером. Перед военным вузом стоит задача не только дать курсантам необходимые навыки военного мастерства, но и воспитать личность курсанта, обладающего всеми необходимыми качествами для успешного выполнения профессиональных задач. Важное место в структуре профессионально важных качеств курсантов занимает дисциплинированность. Во многих военных директивах дисциплина рассматривается в качестве основы овладения военным делом.

Таким образом, развитие дисциплинированности выступает важной задачей, стоящей перед высшим военным образованием сегодня.

В научной военной литературе дисциплинированность выступает тем качеством, без которого немыслима личность офицера. В разные исторические периоды предавалась высокая значимость качеству дисциплинированности у курсантов. Такие великие полководцы, как А. В. Суворов, М. И. Кутузов указывали, что дисциплина лежит в основе победы и является душой всего военного дела. Дисциплина является общим механизмом реализации единоначалия и условием выполнения боевых задач на всех уровнях подчинения.

История военного дела в каждую историческую эпоху привносила свою специфику в понимание и содержание дисциплинированности. В каждый исторический период, в дореволюционный, в советское время, в пост-советский и пост-перестроечный периоды, выдвигаются определенные политические условия, которые и обуславливают структуру дисциплинированности, ее значение и место в общей профессиональной подготовке курсантов.

---

* © Воротягин А. В., 2023.

Изучением дисциплинированности как качества личности занимались такие отечественные исследователи в области психологии и педагогики, как Б. Г. Ананьев, В. В. Краевский, Р. А. Рогожников и т. д. Воспитание данного качества у курсантов в условиях военного вуза изучали А. В. Барабанщиков, О. В. Демина, Н. Ф. Котов, И. М. Мальцев и др. Психолого-педагогические аспекты формирования и развития данного качества изложены в трудах Л. Я. Дрофмана, Э. Г. Утлика, Н. Ф. Феденко и др.

Представим взгляды ученых на трактовку указанного качества у курсантов военных вузов.

На важность изучения дисциплинированности у курсантов указывает О. В. Демина. Автор предлагает рассматривать данное качество как профессионально значимую ценность, которая позволяет осуществлять осознанную ориентацию в рамках точного выполнения воинского долга¹.

Интересен взгляд С. А. Баланова на трактовку изучаемого качества. Автор указывает на целесообразность использования рефлексивного подхода при формировании дисциплинированности и понимает под ним «интегративное качество личности военного профессионала с позиции антропепедагогической феноменологии и понятие рефлексивного умения как целостного многокомпонентной составляющей компетентности, определяющей формирование профессиональных качеств в условиях подготовки курсантов»².

Предметом исследования С. Е. Сычева явились пути и условия повышения воспитания дисциплинированности у курсантов. В его работе понятие дисциплинированности анализируется с точки зрения разных исторических эпох развития военного дела. Автор указывает, что данное качество, в первую очередь, предполагает осознанное отношение к выработанным правилам и нормам профессиональной деятельности, оно обусловлено внешними обстоятельствами развития российского общества, мировоззренческой установкой, спецификой решаемых боевых задач и особенностями взаимоотношений в воинском коллективе³.

Согласно нашему взгляду, дисциплинированность курсанта – это «интегральное качество личности курсанта, которое характеризуется осознанным принятием и соблюдением им твёрдо установленного порядка, правил, норм и требований воинской деятельности, выступает ориентировочной основой (ориентиром) и регуля-

тором подготовки к предстоящей деятельности офицера и способствует более компетентному выполнению курсантом военно-учебной деятельности»⁴.

Наряду с тем, что дисциплинированность является хорошо изученной категорией в психолого-педагогических исследованиях, остается много нерешенных практических аспектов ее изучения, среди которых формы и методы воспитания, содержание воспитательной деятельности по ее развитию, субъектов воспитания, а также условий развития дисциплинированности. Для успешной реализации любого педагогического воздействия важно выделить условия, его определяющие. Грамотно выстроенные и практически осмысленные педагогические условия позволяют педагогу достичь эффективных результатов образовательной и воспитательной деятельности. В этой связи является теоретически обоснованным раскрыть понятие «педагогические условия». По данному вопросу наиболее интересным представляются работы Н. Ипполитовой и Н. Стерховой, В. А. Ширяевой и др.

Н. Ипполитова и Н. Стерхова на основе анализа имеющейся литературы в психологии и педагогики приходят к выводу о том, что категория «условие» является широко используемым в ряде гуманитарных наук, а его педагогическая сущность заключается во взаимосвязи причин и обстоятельств, которые оказывают непосредственное влияние на развитие и воспитание личности и ее качеств. Ценным является и разработка авторского определения указанной категории. Согласно авторам педагогические условия – это «один из компонентов педагогической системы, отражающий совокупность возможностей образовательной и материально-пространственной среды, воздействующих на личностный и процессуальный аспекты данной системы и обеспечивающих её эффективное функционирование и развитие»⁵.

В. А. Ширяевой предпринята попытка дифференциации сходных по значению категорий «факторы» и «условия». По мнению автора, главное отличие описанных категорий заключается в возможности объективно их контролировать. Фактор выступает независимо от субъекта, в то время как условия сознательно создаются педагогом⁶. Далее исследователь указывает на комплексность рассматриваемой категории условия, которые всегда взаимосвязаны и дополняют друг друга.

Таким образом, педагогические условия – «это комплекс специально аргументированных и организованных обстоятельств и направлений педагогической деятельности, которые в совокупности определяют достижение эффективности результата процесса обучения на различных его этапах и в целом»⁷.

В данной статье на основе анализа литературы по изучаемой теме мы выделили основные условия развития дисциплинированности у курсантов. Мы исходим из предположения о том, что процесс развития дисциплинированности у курсантов будет эффективным, если учитывать следующие условия.

1. Выявление начального уровня развития дисциплинированности в ходе психологического тестирования и наблюдения за жизнедеятельностью курсантов в условиях обучения в военном вузе. Данное условие, на наш взгляд, является обязательным к соблюдению. Отсутствие объективных данных психологического тестирования по уровню развития дисциплинированности сводит к невозможности его формирования, развития и коррекции. Прежде чем выстраивать педагогическую деятельность по развитию и формированию любого личностного качества, в том числе и дисциплинированности, важно знать его начальный уровень развития. Это позволит правильно подобрать формы и методы работы с каждым курсантом; выделить группу курсантов с низким уровнем развития дисциплинированности и уделить особое внимание в воспитательном процессе именно данной категории обучающихся военного вуза.

2. Осуществление постоянного мониторинга за динамикой развития дисциплинированности с целью внесения своевременных изменений в способы и средства педагогического воздействия на личность курсанта. Важно не просто строить систему педагогической работы по развитию дисциплинированности курсантов, но и отслеживать ее эффективность на каждом этапе обучения. Это позволит, с одной стороны, оптимизировать ресурсы преподавателей военного вуза в отношении предпринятых мер воспитательного воздействия, а, с другой стороны – оказывать адресную помощь в развитии дисциплинированности у курсантов.

3. Разработка комплексной модели развития дисциплинированности у курсантов, в основе которой должен быть положен системный подход, обеспечивающий наличие структурных связей между всеми блоками модели. Она должна включать в себя целевой,

содержательной, мотивационный, технологический, диагностический и результативный блоки; отражать уровень развития данного качества и критерии его оценки; состоять из последовательных этапов ее реализации, а также форм и методов развития дисциплинированности.

4. Следующим важным условием развития дисциплинированностью курсантов является организация педагогического общения, основанного на субъект-субъектных отношениях между преподавателями и курсантами. Данное условие позволяет реализовать творческий диалог как проявление сотрудничества, в ходе которого выстраиваются доверительные отношения наставничества, что предполагает следование за учителем, а значит, и развитие дисциплинированности.

5. Реализация индивидуального подхода к каждому курсанту, что предполагает учет личностных особенностей и специфики отношений при составлении педагогической работы по развитию дисциплинированности. Соблюдение данного условия позволит курсантам проявлять самостоятельность, самореализоваться с опорой на сильные стороны своей личности.

Таким образом, в своей совокупности вышеназванные условия способствуют более успешному процессу развития дисциплинированности у курсантов военного вуза. Они предполагают наличие количественного показателя дисциплинированности в качестве отправной точки организации педагогической работы по развитию данного качества; осуществление постоянного мониторинга с целью своевременного внесения коррективов в систему педагогического воздействия; разработку комплексной модели развития дисциплинированности на основе системного подхода; создание педагогического общения на основе субъект-субъектных отношений и реализацию индивидуального подхода с учетом личностных особенностей каждого курсанта.

---

¹ Дёмина О. В. Воспитание дисциплинированности как профессионально значимой ценности у курсантов военных вузов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Челябинск, 2014. – 28 с.

---

² Баланов С. А. Формирование дисциплинированности у курсантов вузов ВВ МВД России на основе рефлексивной модели воспитания : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Махачкала, 2013. – С. 14.

³ Сычев С. Е. Воспитание дисциплинированности у курсантов вузов внутренних войск МВД России в современных условиях : дис. ... канд. пед. наук. – Санкт-Петербург, 2007. – 213 с.

⁴ Абдалина Л. В., Антоненков В. Ю., Воротягин А. В. Дисциплинированность курсанта военного вуза : актуальные вопросы исследования // Обзор педагогических исследований. – 2021. – Т. 3. – № 1. – С. 73.

⁵ Ипполитова Н., Стерхова Н. Анализ понятия «педагогические условия»: сущность, классификация // General and Professional Education. – 2012. – № 1. – Р. 233.

⁶ Ширяева В. А. Педагогические условия формирования универсальной ключевой компетенции [Электронный ресурс]. – URL: http://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2013/07/15/i-09_shiryaeva.pdf (Дата обращения: 14.08.2023).

⁷ Вашкевич Н. Н., Бычкова Н. В. Сущность понятия «педагогические условия» в специальной научной литературе // Эстетическое образование : традиции и современность. Материалы V Международной студенческой научно-практической конференции. – Минск, 2017. – С. 234.

И. В. Завгородняя ПСИХОСОМАТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ РЕПРОДУКТИВНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН *

Исследовательское внимание к репродуктивному здоровью человека на протяжении последнего времени сохраняется на высоком уровне в силу действия целого ряда факторов. На фоне государственной потребности в улучшении демографии страны медицинскими специалистами отмечается возникновение ряда заболеваний репродуктивной системы мужчин и женщин в более молодом возрасте, а также наблюдается увеличение их частоты встречаемости. В частности, по данным Всемирной организации здраво-

---

* © Завгородняя И. В., 2023.

охранения (ВОЗ) воспалительные заболевания органов малого таза у женщин составляют до 60% от общего числа гинекологических заболеваний, а их пик приходится на период 17-28 лет¹. В то же время эректильная дисфункция наблюдается у мужчин, начиная с двадцатилетнего возраста, причем 40% случаев подобного нарушения имеет психогенную причину и 25% случаев обусловлены сочетанием психических и органических факторов².

Заболевания репродуктивной системы способны затруднить, а в некоторых случаях привести к невозможности рождения здорового ребенка. В России частота бесплодия находится в пределах от 17,2% до 24% в различных регионах³. Следует отметить, что согласно ВОЗ 15% бесплодия считается критической цифрой относительно вымирания населения.

В современных условиях преимущественно решением проблем репродуктивного здоровья человека занимается репродуктивная медицина, ориентированная на определение и устранение органических и функциональных факторов нарушений репродуктивной системы у женщин и мужчин. Репродуктивная система – совокупность органов и систем организма, которая выполняет репродуктивную функцию и обеспечивает половое размножение.

Репродуктивная система человека является уникальной, сложно организованной, реализуемой на разных уровнях. В отличие от других систем организма специфическими характеристиками репродуктивной системы являются следующие⁴:

1) биологическая надежность и устойчивость, что обеспечивается разными уровнями регуляции репродуктивной системы;

2) легкая ранимость, поскольку она зависит от условий существования человека, стрессовых нагрузок, физического состояния организма в целом, перенесенных нейроинфекций, тяжелых травм и оперативных вмешательств и т. п.;

3) постепенное угасание с возрастом.

Репродуктивная система обеспечивает реализацию репродуктивной функции за счет нейрогуморальной регуляции. Она осуществляется двумя системами регуляции: нервной и гуморальной. Роль и доля участия каждой из этих двух систем различна. Тем не менее, они производят двойной контроль всех функций организма.

Деление на нервную и гуморальную регуляцию достаточно условно, что проявляется даже в том, что нервный импульс переда-

ется с клетки на клетку с помощью гуморального сигнала. Одна из основных причин выделения двух видов регуляций состоит в том, что для их изучения используются либо физические (для нервной регуляции), либо химические (для гуморальной регуляции) методы.

Гуморальная регуляция осуществляется эндокринной системой. Реализацию репродуктивной функцией женского и мужского организмов обеспечивает гипоталамо-гипофизарно-гонадная система. Следует отметить, что гуморальная регуляция репродуктивной системы в женском организме сложнее, чем в мужском. При этом в единой нейрогуморальной регуляции ведущую роль играет нервная система.

Последний факт является существенным доводом в пользу того, что было бы неверно игнорировать психические факторы возникновения репродуктивных заболеваний. К их исследованию обращается репродуктивная психосоматика, в которой личность рассматривается не только как центр появления, но и как основа развития и терапии репродуктивных нарушений.

Согласно Г. Г. Филипповой⁵, репродуктивное здоровье человека включает два компонента:

1) физиологический компонент: органы и функции репродуктивной системы, обеспечивающие возможность зачатия, вынашивания и рождения ребенка;

2) психологический компонент: адекватная мотивация вынашивания и рождения здорового потомства, адекватное отношение к реализации родительской функции.

Спецификой репродуктивной сферы человека является невозможность осуществления репродуктивной функции без объединения физиологического и психологического компонентов. Именно психика регулирует работу репродуктивной системы в соответствии с условиями среды и ресурсами потенциального родителя.

Психика включается в регуляцию репродуктивной системы путем изменения поведения и активизации защитных механизмов, которые могут действовать на соматическом уровне. При повышенных психоэмоциональных нагрузках у человека количество ресурсов для осуществления репродукции уменьшается, на фоне чего снижается половое влечение и происходит отказ от сексуальных контактов. В случае соматизации появляются нарушения овуляторного

процесса, сперматогенеза, заболевания репродуктивных органов, препятствующие наступлению и вынашиванию беременности.

В зависимости от того, какому компоненту – физиологическому или психологическому – принадлежит ведущая роль в возникновении репродуктивного заболевания можно говорить о двух основных механизмах нарушений репродуктивного здоровья:

1. Соматопсихический механизм характеризуется, прежде всего, наличием повреждения репродуктивных органов или функций врожденного или приобретенного характера, на основе чего формируется внутренняя картина болезни и личностные характеристики больного человека. В данном случае ведущая роль в возникновении репродуктивных заболеваний принадлежит физиологическому компоненту. Следовательно, не все нарушения организма следует рассматривать как психогенные, т. е. обусловленные и поддерживаемые психотравмирующими воздействиями. Симптомы могут иметь объективную соматическую основу.

2. Психосоматический механизм заключается в наличии внутреннего психологического конфликта личности, в ответ на возникновение которого запускаются реактивные нарушения репродуктивных органов или функций. В данном случае главенствующую роль в появлении репродуктивных заболеваний обладает психологический компонент. При этом репродуктивные нарушения могут непосредственно являться маркерами внутреннего конфликта личности или служить психосоматическими защитами от психологического конфликта. У женщин психосоматический механизм нарушений репродуктивного здоровья встречается чаще, чем у мужчин⁶. Это объясняется наличием в женском организме более тесной связи между нервной и эндокринной системами, что проявляется при функционировании целостной гипоталамо-гипофизарно-яичниковой системы.

В основе формирования психосоматического механизма репродуктивных заболеваний находится конфликт между видовой потребностью (быть родителем и иметь ребенка для продолжения рода и популяции в целом) и индивидуальной потребностью (конкурирующая потребность, находящаяся вне сферы родительства, которая становится нереализуемой при рождении ребенка)⁷. Следовательно, в репродуктивной психосоматике физиологические нару-

шения репродуктивного здоровья у женщин и мужчин рассматриваются как соматические проявления неготовности к родительству.

Следует отметить, что необходима дифференциальная диагностика психосоматического и соматоформного расстройства при наличии репродуктивных заболеваний в том числе. Соматоформные расстройства – телесные симптомы без органической причины, при которых соматические нарушения являются проявлением психических расстройств.

В случае соматоформного расстройства пациент обозначает жалобы на различные соматические симптомы, но они не распознаются врачами общей практики. После многочисленных обследований и различных часто болезненных манипуляций не удается поставить никакого диагноза. В результате для пациента возникает сложная ситуация, поскольку симптоматика продолжает беспокоить, но ее источник остается неясен.

Соматоформные расстройства обладают высокой коморбидностью с депрессивным, тревожным и гистрионным (истерическим) расстройством личности⁸. Исходя из этого, соматоформное расстройство рассматривается как разновидность депрессии – маскированная депрессия. Соматоформное расстройство может предшествовать депрессии и наоборот. В первом случае попытки безрезультатного лечения соматоформного расстройства приводят к социальной изоляции, что и становится основанием для депрессии. Во втором случае пациент не связывает свое психоэмоциональное состояние с соматической симптоматикой и не считает это поводом для обращения к специалисту. Каждое из трех расстройств – соматоформное, депрессивное и тревожное – являются факторами риска для взаимного развития и присоединения.

Кроме того, соматоформные расстройства необходимо отличать от истерии как психического расстройства и гистрионного (истерического) расстройства личности. Гистрионная личность характеризуется тенденцией к театральности и драматизации, чрезмерной эмоциональностью, требовательностью. При наличии у гистрионной личности соматоформного расстройства присутствует яркая эмоциональная окраска предъявляемых жалоб, театральность их описания.

При отсутствии своевременного лечения соматоформное расстройство может приобретать хроническую форму, что приво-

дит к социальной дезадаптации. Для лечения соматоформного расстройства наряду с психотерапевтическими методами необходимо применение медикаментозных препаратов, поэтому наиболее эффективной будет психиатрическая помощь.

В случае наличия психосоматического механизма в возникновении и развитии репродуктивного заболевания необходимо выделить базовый внутриличностный конфликт, в связи с чем в приоритете находятся психологические приемы и методы работы. В качестве признаков психосоматических расстройств в репродуктивной сфере можно выделить следующие:

- заболевание начинается после психической травмы (в пределах полугода после события);
- нарушение возникает и повторяется в похожих обстоятельствах, т. е. присутствует ретравматизация;
- симптомы реагируют на жизненную ситуацию, усиливаясь в трудных обстоятельствах и ослабевая в благополучных;
- наблюдается лабильность симптомов: симптомы быстро возникают, быстро исчезают или быстро сменяют друг друга;
- присутствует минимальная медицинская диагностика или ее отсутствие;
- соматическое лечение не приводит к исчезновению симптома, он возобновляется. Кроме того, лечение одного заболевания может привести к появлению более сильного другого заболевания;
- воспаление затрагивает одновременно несколько органов и /или функций репродуктивной системы, так называемый «букет болезней»;
- наблюдается эффективность психотерапии.

Таким образом, психосоматическое расстройство является склонностью личности переживать психический конфликт на физиологическом уровне. В случае действия психосоматического механизма возникновения заболевания в отличие от соматоформного расстройства наблюдаются реальные объективные нарушения органов и функций, в том числе репродуктивной системы. Это является следствием слабости активации психологических защит на фоне нехватки психической переработки напряжения, созданного имеющимся внутриличностным конфликтом, в основе которого находится неготовность к материнству (отцовству). Нервно-

психическое напряжение возникает как результат несоответствия потенциала личности и внешних условий. Если условия недостаточны, то происходит адаптация, в том числе за счет формирования симптома определенного репродуктивного заболевания.

---

¹ Клинические рекомендации – Воспалительные болезни женских тазовых органов – 2021-2022-2023 (01.07.2021) – Утверждены Минздравом РФ. URL: http://disuria.ru/_ld/10/1058_kr21N70N73MZ.pdf

² Клинические рекомендации – Эректильная дисфункция – 2021–2022–2023 (21.12.2021) – Утверждены Минздравом РФ. URL: http://disuria.ru/_ld/11/1133_kr21F52N48p4MZ.pdf

³ Клинические рекомендации – Женское бесплодие – 2021-2022- 2023 (24.06.2021) – Утверждены Минздравом РФ. URL: <https://moniiag.ru/wp-content/uploads/2019/07/Klinicheskie-rekomendatsii.-ZHenskoe-besplodie.pdf>

⁴ Жуков Д. А. Биологические основы поведения. Гуморальные механизмы. – Москва : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 457 с.

⁵ Филиппова Г. Г. Репродуктивная психология : психологическая помощь бесплодным парам при использовании вспомогательных репродуктивных технологий // Клиническая и медицинская психология : исследования, обучение, практика : электронный научный журнал. – 2014. – № 3 (5). URL: http://www.medpsy.ru/climp/2014_3_5/article04.php

⁶ Ланцбург М. Е., Крысанова Т. В., Соловьева Е. В. Исследования психосоматических аспектов гинекологических и андрологических заболеваний и бесплодия : обзор современных зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. – 2016. – Т. 5. – № 2. – С. 67–77.

⁷ См. : Филиппова Г. Г. Репродуктивная психосоматика : специфика психосоматических соотношений в репродуктивной сфере // Теория и практика психотерапии. – 2015. – № 9 (13). – С. 57–61.

⁸ См. : Холмогорова А. Б. Интегративная психотерапия расстройств аффективного спектра. – Москва : ИД «Медпрактика-М», 2011. – 480 с.

А. В. Зайцев
КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ СФОРМИРОВАННОСТИ
ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО-
КОНТРАКТНИКА К ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ *

Анализ психолого-педагогической литературы по проблеме формирования ценностного отношения выявил многоаспектность ее изучения в методологическом плане. На сегодняшний день можно говорить, что в педагогической литературе существуют работы, согласно которым ценностное отношение выступает сложном личностным образованием, включающим в себя ценностные ориентации и личностные смыслы¹.

Особенно актуальным является вопрос рассмотрения ценностного отношения к профессиональной деятельности. Целью данной статьи является выделение основных критериев и показателей ценностного отношения военнослужащего-контрактника к военной службе, а также определение уровня их развития. Поставленная цель является весьма актуальной в современных условиях обострения внешнеполитической обстановки. Защита интересов своего государства, преданность Родине, выполнение воинского долга возможно при наличии высокого уровня ценностного отношения к профессиональной военной деятельности. В связи с чем, выделение критериев и показателей ценностного отношения военнослужащего-контрактника к военной службе и уровней развития сформированности ценностного отношения является первоочередной задачей профессионального образования.

Первоначально коснемся вопроса выбора критериев и показателей сформированности ценностного отношения военнослужащего-контрактника к военной службе. В основу определения критериев был положен анализ литературы по проблеме исследования основных составляющих структуры ценностного отношения. Опираясь на теоретические положения работ Т. В. Белых, И. В. Богданович, Г. С. Камериловой, нами были выделены следующие критерии: мотивационный, эмоциональный, когнитивный, коммуникативный и рефлексивный.

Опишем каждый из выделенных критериев более подробно.

---

* © Зайцев А. В., 2023.

Мотивационный критерий лежит в основе ценностного отношения, является его базой, на основе которой достраиваются все остальные составляющие ценностного отношения. Данный критерий включает в себя мотивы профессиональной деятельности военнослужащего-контрактника. В научной литературе описываются многообразные мотивы военной профессиональной деятельности. Но все они сводится к желанию служить Родине, выполнять гражданский долг по защите своего отечества и т. д. Указанные мотивы являются движущей силой освоение военной специальности у курсантов и ее совершенствования у военнослужащих-контрактников. Показателями мотивационного критерия можно выделить наличие мотивационной готовности к осуществлению профессиональной деятельности и ее постоянно изменение и развитие в ходе ее реализации, то есть стремление самого военнослужащего-контрактника к постоянной самоактуализации и самосовершенствованию навыков военного дела.

Относительно первого показателя мотивационного критерия – мотивационной готовности можно говорить о ее постоянной динамики как сторону увеличения, так и в сторону снижения данного показателя. Это обусловлено тем, что военная служба неизбежно сопряжена с лишением комфортных условий работы (например, выполнение поставленных задач в боевой обстановке), что не может не сказываться на снижение показателей мотивационной готовности. Однако в условиях обострения военных конфликтов, когда Родина «позвала», происходит мобилизация личностных и физических ресурсов, что благотворно влияет на увеличение уровня мотивационной готовности.

Второй показатель – стремление к самосовершенствованию и динамичность профессиональной деятельности – находится в непрерывном положительном росте на протяжении всей военной службы. Это связано со спецификой выполнения задач военнослужащим, когда его и профессионализм обеспечивает ему высокий уровень боевой готовности, от чего порой зависит жизнь и здоровье офицера.

Эмоциональный критерий имплицитно присутствует в любом виде отношений, особенно, когда речь идет о наличии ценностного отношения. Оно само по себе формируется на основе глубоких переживаний значимости выполнения профессиональных за-

дач, вызванных содержанием и спецификой несения военной службы. Любой вид деятельности сопряжен с наличием эмоционально заряженного смысла ее осуществления². На этой основе у военнослужащего-контрактника формируются и основные показатели эмоционального критерия – принятие себя (адекватная самооценка) и принятие другого. А вместе указанные показатели характеризуются эмоциональным равновесием. Оно проявляется в том, что военнослужащий-контрактник способен понять себя, свои мотивы, ценности и идеалы и на этой основе сформировать правильное представление о себе – адекватную самооценку, одновременно с этим он также способен принять и понять на основе эмпатии внутренний мир другого человека. И между этими двумя процессами, принятием себя и других, выстроить баланс связей и отношений. Данный процесс достаточно сложный и осуществляется на основе развитого волевого самоконтроля благодаря умению распознавать и регулировать свое эмоциональное состояние, при этом военнослужащий-контрактник испытывает психологический комфорт от пребывания в воинском коллективе.

Когнитивный критерий включает в себя знания, ценности и смыслы ценностного отношения к военной службе. Теоретические знания, которыми владеет военнослужащий-контрактник, становятся необходимым базисом для формирования ценностного отношения к военной службе, помогают ему выбрать те ценности, на которые он будет ориентироваться при повседневном выполнении профессиональных задач, формируют необходимость выработки своего личностного смысла.

Важными показателями когнитивного критерия являются сформированность знаний об общей теории ценностей военной службы и сформированность собственной системы ценностей к военной службе. Два указанных показателя невозможно сформировать изолированно друг от друга. Именно на основе общих представлений о ценностях несение боевой службы военнослужащий-контрактник формирует свою личную систему ценностей несения своей профессиональной деятельности.

Первый показатель включает в себя такие характеристики, как знания о структуре ценностей, их основных видах, механизме перехода ценностей в ценностные ориентации, об условиях и факторах данного процесса, специфики системы ценностей военно-

служащего-контрактника. Следует указать, что хорошо проработанная теоретическая основа изучения теории ценностей является прочным фундаментом для формирования ценностно-смысловой системы военнослужащего-контрактника и его ценностного отношения к военной службе.

Коммуникативный критерий сформированности ценностного отношения военнослужащего-контрактника к военной службе детерминирует поведение офицера в профессиональной деятельности, основанной на реализации сформированных ценностей в реальной практике взаимодействия с воинским коллективом. Данный критерий определяется ценностно-смысловой направленностью общения между офицерами.

Первым показателем сформированности данного критерия является реализация коммуникативно-поведенческой установки, адекватной социальной ситуации общения в воинском коллективе, основанной на воинских уставах единоначалия и подчинения. Данный показатель достигается благодаря развитым коммуникативным умениям военнослужащего-контрактника, способностью совершать в повседневной профессиональной деятельности обмен ценностями в процессе взаимодействия.

Вторым показателем является наличие субъект-субъектных отношений между сослуживцами. Данный показатель является важным при реализации ценностного отношения военнослужащего-контрактника к военной службе, когда речь идет не только о слепом подчинении вышестоящему руководству, а об умении слышать своего подчиненного, принять его систему ценностей, выстроить творческий диалог и дать возможность свободно выражать свои мысли, т. е. актуализировать способность к генерированию новых идей у военнослужащих, раскрыть их личностный потенциал.

Таким образом, субъект-субъектное взаимодействие предполагает взаимный обмен ценностями и мнениями с соблюдением иерархии и подчинения.

И последний критерий – рефлексивный. Он позволяет в полной мере осознать личностные ценности, ценностные ориентации, поведенческие стратегии и действия. Показателями данного критерия являются рефлексивные умения и способность критически оценивать свои действия. Способность к рефлексии основана на рефлексивных умениях военнослужащего-контрактника осознавать

побуждающие мотивы своего поведения и на этой основе выстраивать межличностные отношения для реализации профессиональных целей³. Военнослужащий-контрактник, способный критически оценивать свои поступки, основанные на реализуемых ценностях, достигает значительных успехов в профессиональной деятельности. Умение мыслить – это значит уметь перерабатывать полученную информацию с точки зрения своего личного опыта и системы ценностей, а не просто ее шаблонно усваивать и слепо следовать социальным стереотипам.

Далее перейдем к описанию основных уровней сформированности ценностного отношения военнослужащего-контрактника к военной службе. Нами были выделены три уровня сформированности: высокий, средний и низкий.

Охарактеризуем каждый из них.

Высокий уровень сформированности ценностного отношения к военной службе диагностируется у военнослужащего-контрактника в случае, если он характеризуется следующими показателями:

- проявляет интерес к несению военной службы;
- определяет ценности своей профессиональной деятельности как лично значимые;
- стремится к самоактуализации и познанию своих возможностей;
- способен принять себя, адекватно оценить свои способности;
- способен принять другого военнослужащего как равноценного партнера по общению, заслуживающего уважения вне зависимости от разницы интересов и взглядов;
- владеет теоретическими знаниями о видах и механизмах формирования ценностей, их трансформации в ценностные ориентации, факторах, обеспечивающих данный процесс;
- обладает развитыми коммуникативными умениями;
- реализует в своей профессиональной деятельности субъект-субъектные отношения;
- рефлексирует относительно содержания своих ценностей;
- способен критической оценки получаемую информацию с точки зрения ценностной системы.

Средний уровень сформированности ценностного отношения к военной службе диагностируется при проявлении у военнослужащего-контрактника следующих показателей:

проявляет интерес к выполнению определенного круга профессиональных задач;

ориентируется в системе ценностей и личностных смыслов своей службы относительно ранее сформированной мотивационной готовности;

стремится к самоактуализации, самосовершенствованию и познанию себя;

проявляет адекватную самооценку;

способен воспринимать другого на положительном эмоциональном уровне;

в целом владеет теоретическими знаниями о видах и механизмах формирования ценностей, их трансформации в ценностные ориентации, но затрудняется в определении факторов, обеспечивающих данный процесс;

использует коммуникативные умения, но испытывает сложности в выстраивании субъект-субъектных отношений;

не всегда рефлексировать содержание своих ценностей;

критически оценивает объективную информацию, но лично-значимая информация вызывает у военнослужащего-контрактника субъективную оценку, лишённую критических замечаний.

Низкий уровень сформированности ценностного отношения характеризуется следующими проявлениями у военнослужащих-контрактников:

отсутствует мотивационная готовность выполнять поставленные задачи военной службы, лишь в некоторых ситуациях способен проявлять незначительный интерес к военной службе;

оценивает военную службу как ценностно значимую деятельность, однако своим ценностям не придает личностного смысла;

проявляет низкую потребность в самоактуализации и саморазвитии;

имеет неадекватную самооценку;

оценка других носит субъективный характер, при общении с сослужившими испытывать психологический дискомфорт;

не владеть теоретическими знаниями относительно общей теории ценностей;

обладает низким уровнем развития коммуникативных умений;

не реализует в своей профессиональной деятельности субъект-субъектные отношения;

рефлексия осуществляется только при возникновении сложных ситуаций, требующих осознанного контроля;

способность критически мыслить находится на низком уровне развития.

Таким образом, мы рассмотрели основные критерии и показатели сформированности ценностного отношения военнослужащего-контрактника к военной службе и выявили качественную характеристику уровней его развития.

---

¹ Абдалина Л. В. Ценности-отношения в структуре личностных ценностей научно-исследовательской деятельности преподавателя вуза // Обзор педагогических исследований. – 2022. – Т. 4. – № 7. – С. 105–109.

² Максименко С. Д. Генезис существования личности. – Киев, 2006. – 240 с.

³ Чалый А. Н. Исследование сформированности ценностного отношения курсантов военного вуза к безопасности военной службы // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2022. – № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sformirovannosti-tsennostnogo-otnosheniya-kursantov-voennogo-vuza-k-bezopasnosti-voennoy-sluzhby> (дата обращения: 06.07.2023).

Е. В. Кончакова **ПОМОГАЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПСИХОЛОГА:** **ПОНЯТИЙНЫЙ АНАЛИЗ ***

Спрос на психологические услуги в современных условиях демонстрирует положительную динамику. Согласно сайту profi.ru, весной 2020 года спрос на специалистов-психологов поднялся на 69% по сравнению с 2019 годом. А к осени, по данным «Авито Услуги», он вырос на 90%. Сайт hh.ru свидетельствует о том, что к

---

* © Кончакова Е. В., 2023.

осени того же года востребованность корпоративных психологов увеличилась на 30%¹². Наблюдается также рост потребности в психологических услугах у различных медицинских организаций: психоневрологических диспансеров, психиатрических учреждений, поликлиник, женских консультаций³.

Вместе с тем, несмотря на заметно возросшую востребованность психологов для разных организаций, по-прежнему отмечается недостаточное понимание видов и форм психологической помощи. Зачастую наблюдается смешение в представлениях отдельных групп населения таких понятий, как «психологическое консультирование», «психотерапия», «психологическая коррекция». Многие специалисты медицинского профиля недостаточно четко могут разграничить роль психолога в сфере здравоохранения и решить, требуется ли пациенту психологическое сопровождение, психологическая поддержка, психотерапия или психокоррекция.

Отсутствие ясного представления о видах и формах психологической работы порождает ряд проблем и трудностей в деятельности как самого психолога, так и тех специалистов, которые по роду своих профессиональных занятий связаны с этой деятельностью. Более того, непонимание специфики психологической деятельности нередко приводит к значительным расхождениям восприятия ее результатов с ожиданиями клиентов и пациентов.

В связи с этим, целью настоящего исследования выступил понятийный анализ таких видов психологической работы, как «психологическая помощь», «психологическая поддержка», «психологическое сопровождение».

Обращаясь к этим понятиям, отметим, что даже в психологической литературе не всегда можно обнаружить однозначные критерии их различий.

Проведенный нами теоретический анализ позволяет утверждать, что наиболее широким выступает понятие психологической помощи⁴. Оно появилось задолго до теоретического оформления психологии как науки. Одним из первых его аспектов был религиозный, затем – медицинский. В более позднее время, уже в XIX веке, возник термин «деонтология» (от лат. *deon* – долг, *deontos* – должное), связанный с разделом этики, рассматривающим проблемы долга и должного. В 1834 году этот термин был

введен английским философом Дж. Бентамом для обозначения философского раздела о нравственности в целом.

Под психологической помощью понимается такой вид деятельности специалиста-психолога, который предполагает взаимодействие психолога с клиентом для решения конфликтной, трудной, стрессовой и других жизненных ситуаций последнего⁵. Понятие психологической помощи, таким образом, представляет собой область практического применения психологических теорий и концепций, которая нацелена на формирование и развитие компетентности (психологической и социально-психологической) индивидов, которая позволит им эффективно справляться с возникающими трудностями и поддерживать психологическое здоровье личности⁶.

Таким образом, психологическая помощь представляет собой область профессионального применения достижений психологической науки и практики. Это наиболее обобщенное понятие, включающее в себя различные виды, формы и методы психологической работы. Как подчеркивает У. В. Брылева, психологическую помощь можно представить как совокупность таких разновидностей работы психолога, как «психологическая поддержка» и «психологическое сопровождение»⁷.

Обратимся также к понятию «психологическое обеспечение». Так, в концепциях некоторых авторов⁸ подчеркивается, что психологическое обеспечение – это совокупность психологических знаний, методов и средств психологического воздействия, целью которого выступает положительное влияние на эффективность какой-либо значимой деятельности на всех стадиях онтогенеза. В рамках данной деятельности специалист-психолог помогает клиенту сформировать необходимые условия для становления индивида субъектом деятельности. В том числе, как подчеркивает Н. Ю. Портнягина, эти условия включают и организационные мероприятия⁹.

Рассмотрим понятие «психологическая поддержка».

Теоретические предпосылки для построения модели психологической поддержки были созданы в гуманистической психологии А. Адлером, Г. Олпортом, Л. Маслоу, Р. Мэй, К. Роджерсом, В. Франклом, В. Шуте, Э. Фроммом и другими учеными, в понимании которых человек – это активный, творящий, свободный и отвечающий за свои действия субъект.

Психологическая поддержка – это процесс межличностного взаимодействия, система мер, ориентированных на снижение эмоционального дискомфорта, укрепление уверенности в себе и своих психологических ресурсах, формирование адекватного отношения к себе, установление адекватных межличностных отношений. Иными словами, психологическая поддержка есть система социально-психологических приемов и методов, способствующих самоопределению личности в ходе формирования ее способностей, ценностных ориентаций, внутренней позиции.

Следовательно, психологическая поддержка выступает как система мер по созданию условий для эффективного саморазвития личности путем формирования у нее механизмов самообучения, самовоспитания, саморегуляции.

Еще одной разновидностью психологической помощи является психологическое сопровождение. Следует отметить, что это понятие анализировалось многими учеными (Г. Л. Бардиер, М. Р. Битянова, Е. И. Казакова, Н. А. Менчинская, В. С. Мухина, Ю. В. Слюсарев, Л. М. Шипицина, И. С. Якиманская и др.). Как подчеркивает О. С. Попова, философским основанием системы сопровождения человека является концепция свободного выбора как условия развития личности¹⁰. Важно отметить, что в работе А. А. Фисенко и М. Д. Коноваловой отмечается, что психологическое сопровождение – интегративный процесс, система профессиональной деятельности специалиста, направленная на формирование условий для эффективного развития субъектов деятельности¹¹.

Психологическое сопровождение, в отличие от понятия «психологическая поддержка», понимается как создание и развитие разносторонних условий для принятия индивидом оптимальных решений в различных ситуациях жизненного выбора. Методологический анализ позволяет утверждать, что на сегодняшний день сопровождение – это особая форма осуществления пролонгированной социальной и психологической помощи. В отличие от коррекции оно предполагает не «исправление недостатков и переделку», а непосредственное сопровождение человека в поиске его внутренних ресурсов, позволяющих осуществить успешную адаптацию¹².

Обобщая вышесказанное, отметим, что в самом общем виде психологическое сопровождение можно представить как системную, комплексную социально-психологическую помощь личности,

направленную на создание психологических условий для успешной ее адаптации к условиям жизнедеятельности. Психологическое сопровождение, по мнению ряда авторов (Г. Бардиер, М. Р. Битяновой, Т. В. Дворецкой, Н. Л. Коноваловой, И. Ромазан, Ю. В. Слюсарева, Т. Чередниковой и др.), включает пять направлений деятельности: психопрофилактику, психодиагностику, психокоррекцию, психологическое консультирование и психотерапию¹³.

Итак, резюмируем следующее.

Психологическая помощь – это область практического применения психологии, ориентированная как на разрешение с помощью профессионального психолога жизненных трудностей человека, так и на процесс его саморазвития в разных сферах. Данное понятие отражает весь комплекс мер, форм и видов психологической работы и в наиболее широком смысле включает две разновидности работы психолога: психологическое сопровождение и психологическую поддержку. Помимо этого, существует и понятие «психологическое обеспечение», суть которого заключается в совершенствовании какой-либо деятельности через совокупность психологических и организационных методов.

Психологическое сопровождение и психологическая поддержка нередко представлены в литературе как синонимичные понятия, что встречается у ряда авторов (А. Г. Асмолов, А. А. Бодалев, А. В. Мудрик, И. Ю. Шустов и др.). Оба эти разновидности работы психолога имеют своей целью не просто целенаправленное воздействие на личность, а создание специальных условий. Но психологическая поддержка направлена на создание условий для саморазвития и самореализации личности, в том числе, формирование навыков самообучения и самовоспитания. В свою очередь, психологическое сопровождение предполагает длительный процесс по повышению адаптационного потенциала личности в разных сферах жизнедеятельности. Психологическая поддержка, по своей сути, эпизодична, адресна и предполагает определённую «пассивность» клиента по сравнению с ролью специалиста. Психологическое сопровождение же отличается своим комплексным характером и опосредованностью оказываемой помощи.

Таким образом, используя понятия «психологическая поддержка» и / или «психологическое сопровождение», мы неизменно обращаемся к понятию «психологическая помощь», которая вы-

ступает как область профессиональной деятельности психолога. Само понятие «психологическая помощь» в логическом смысле является родовым для двух других понятий. Их сопоставительный анализ свидетельствует о том, что психологическая поддержка и психологическое сопровождение должны рассматриваться в различных контекстах – сообразно тем целям и задачам, которые поставлены психологом самостоятельно, или тому запросу, который сформулирован перед ним заказчиком.

---

¹ Гришина Н. В., Костромина С. Н. Психология личности: переосмысление традиционных подходов в контексте вызовов современности // Психологические исследования. – 2017. – Т. 10. – № 52. – С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.03.2023).

² Попова Т. А., Попова К. В. Экзистенциальная исполненность и профессиональная мотивация у субъектов помогающих профессий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2022. – № 3. – С. 36–51.

³ Психология в медицине: сотрудничество врачей и психологов Военно-медицинской академии: лекции / В. К. Шамрей, А. Г. Чудиновских [и др.]. – Санкт-Петербург: Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова, 2021. – 31 с.

⁴ Григорьева Д. А., Анисина Е. А. Понятие психологической помощи и анализ социологических исследований отношения к психологической помощи // XII Рязанские социологические чтения. Динамика социокультурной среды: материалы Национальной научно-практической конференции, – Рязань, 20–21 октября 2022 г. – Рязань: Изд-во Ипполитова, 2022. – С. 270–274.

⁵ Кораблина Е. П., Акиндинова И. А., Баканова А. А., Родина А. М. Искусство исцеления души. Этюды о психологической помощи. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена: Изд-во «СОЮЗ», 2001. – 274 с.

⁶ Кочюнас А. Р., Кочюнас Р. Психологическое консультирование и групповая психотерапия. – Москва: Академический проект, 2022. – 222 с.

⁷ Брылева У. В. Теоретические основы понятия психологической поддержки профессиональной деятельности педагога // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – № 12. – С. 1–4.

⁸ Новиков В. С., Боченков А. А., Маклаков А. Г., Чермянин С. В. Психологическое обеспечение учебного процесса ВВУЗов. – Санкт-Петербург: ВМедА, 1997. – С. 61.

---

⁹ Портнягина Н. Ю. Психологическое обеспечение работы с резервом кадров на выдвижение в органах внутренних дел : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2007. – 23 с.

¹⁰ Попова О. С. Теоретико-методологические основания модели психологического сопровождения учащихся в процессе профессионального образования // Психологическое сопровождение образовательного процесса : сб. науч. статей / Ред. колл. : О. С. Попова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИПО, 2011. – С. 7–14.

¹¹ Фисенко А. А., Коновалова М. Д. Модель психолого-педагогического сопровождения студентов с ОВЗ в СГУ имени Н. Г. Чернышевского // Специальное образование и социокультурная интеграция. – 2020. – № 3. – С. 411–416.

¹² Кряжева А. Ю. Генезис проблемы психологического сопровождения несовершеннолетних в современной науке // Психология XXI века : вызовы, поиски, векторы развития : сборник материалов III Всероссийского симпозиума психологов с международным участием, посвященного 30-летию со дня образования психологического факультета Академии ФСИН России. Рязань, 08–09 апреля 2021 г. : В 3 ч. – Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 116–120.

¹³ Чуманов Ю. В. Психологическое сопровождение, как стержневой компонент процесса социально-психологического обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите // Прикладная психология и педагогика. – 2021. – Т. 6. – № 4. – С. 76–100.

М. А. Лебедев

**КУЛЬТУРА УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК
УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМАНДИРА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ***

Состояние ВС РФ в условиях современной внешней геополитической обстановки определяет тенденцию к поиску новых подходов к профессиональной подготовке офицерских кадров, а также является определяющим фактором совершенствования системы военного образования. Наличие в войсках высококвалифицирован-

---

* © Лебедев М. А., 2023.

ных выпускников военных вузов, умеющих применять свои военно-технические знания и знания в области управления подчиненными подразделениями, обуславливают успешную реализацию боевых, бытовых и организаторских задач. Как отмечают исследователи Л. В. Абдалина и С. А. Гончаров, особенностью обучения в военном вузе является необходимость патриотического воспитания будущих офицеров и воспитания гражданской ответственности во время теоретических и практических занятий¹.

В условиях военного вуза главными субъектами военно-профессиональной деятельности являются офицерские кадры. Профессорско-преподавательский состав и командиры учебных подразделений непосредственно участвуют в формировании личности курсантов как высококвалифицированных специалистов, поэтому они способствуют формированию у обучающихся необходимых командных, управленческих, адаптивных и исполнительных качеств².

Исходя из этого, высокий уровень военно-профессиональной культуры для данной категории офицеров является условием успешного достижения целей по подготовке выпускников в соответствии с предъявляемыми государством требованиями. По мнению А. Н. Вашкевича, центральной фигурой организации повседневной деятельности и воспитания курсантов является командир подразделения, который первым встречает обучающихся и олицетворяет своим примером решение нравственно-ценностных и социально-экономических задач³. Кроме этого, командир подразделения выполняет функцию регуляции службы и быта курсантов, корректирует и контролирует поведение обучающихся, которое должно соответствовать уставным требованиям⁴.

Процесс формирования и развития навыков командной и организаторской деятельности курсантов осуществляется в основном на уровне учебного подразделения под непосредственным руководством начальника курса. От того, насколько развита военно-профессиональная культура данного офицера, в частности его культура управленческой деятельности, будет зависеть конечный результат формирования у обучающихся навыков в управлении подчиненным личным составом в будущем.

Термин «*культура*», по мнению А. А. Васильева, представляет собой систему ценностей, которая сохраняется и передается из

поколения в поколение и служит для сохранения самобытности общества⁵. В педагогике культура изучается с точки зрения исторической эпохи с определенным уровнем развития общества, творческими силами и способностями человека, которые выражаются в типах и формах организации жизни и деятельности людей, во взаимоотношениях между ними, а также в создаваемых материальных и духовных ценностях⁶. Академик В. А. Сластенин объединяет эти понятия в дефиниции «профессиональная культура», которая представляет собой комплекс профессионально-ценностных качеств личности, выработанных человечеством, представляющих собой универсальные способы познания мира в профессиональной деятельности⁷.

В соответствии с этими определениями, концепт «культура» предполагает многообразие человеческой деятельности, которая может быть связана с регулированием и управлением социальными процессами. Получается, что феномены управление и управленческая деятельность являются разновидностями понятия «культура». Это подтверждается в работе Н. В. Лизиной, которая отмечает, что управление, окультуренное знаниями субъекта деятельности, является следствием высокого уровня управленческой деятельности⁸.

В соответствии с этим, термин «культура управленческой деятельности» (КУД) рассматривается как единство управленческих знаний, чувств и ценностей, а также управленческих и организационных отношений⁹. Другие ученые считают, что термины «управленческая культура» и «культура управленческой деятельности» тождественны, наделяя их значением ценностей философии и идеологии управления, лежащих в основе взаимодействия социальных организаций¹⁰.

Термины «культура управленческой деятельности» и «управленческая культура» различаются значением понятия «управление». В научной литературе концепт «управление» рассматривается как процесс, подчиняющийся определенным целям. Поэтому основная функция управления сводится к функциональной работе структурированной системы. Однако если рассмотреть термины «культура» и «управление», то можно представить понятие «культура управления» как комплексную характеристику управленческого труда. В соответствии с этим, «культура управленческой деятельности» является более широким понятием, по-

сколько включает в себя знания, морально-этические нормы работы, а также умение владеть собой.

Ядром *культуры управленческой деятельности* станет выступать личность как совокупность норм и ценностей. Далее располагается управленческая культура командира: интеллектуально-управленческая, профессионально-управленческая, психолого-педагогическая культура. На третьем уровне – общая культура, включающая в себя культуру управленческой деятельности и личную управленческую культуру командира.

Важным фактором подготовки курсантов является эффективная работа командира подразделения, который должен быть профессионалом своего дела и патриотом, способным использовать в своей деятельности инновационные стратегии для решения задач и укрепления дисциплины в коллективе. Курсантские подразделения являются управляемой подсистемой ВС РФ, нацеленной на воспроизводство офицерского состава и обеспечение преемственности ВС РФ. Получается, что управленческая деятельность командира подразделения является примером управления для обучающихся, включенности будущих офицеров в профессиональную деятельность, а также в подготовку кадров для профессиональной Российской армии.

Как отмечает О. Ю. Ефремов, офицер является руководителем процессов обучения и воспитания курсантов¹¹. А. Г. Маклакова и Е. А. Бойко, в военно-профессиональной деятельности выделяют объективные и субъективные качества, которые могут повысить или понизить показатели *успешности* КУД командира подразделения. К числу объективных данных относятся «унифицированные особенности»: расположение части, материальные ценности. Субъективными качествами являются индивидуально-психологические и личностные качества самого командира курсантского подразделения¹². Поэтому показателями успешности КУД командира курсантского подразделения являются физическая и боевая подготовка личного состава, воинская дисциплина, соблюдение приказов и умение действовать в соответствии с инструкцией.

Успешное функционирование в военном вузе обусловлено грамотным планированием учебного процесса, отдельными видами учебной и неучебной деятельности, нормами и правилами воспитательной работы курсантов. Для достижения успешных показателей

курсантских подразделений необходимо выделить основные структурные элементы КУД: 1) интерес командира к своей профессиональной деятельности; 2) интерес к управленческой деятельности; 3) профессиональная эрудиция и развитые коммуникативные качества командира; 4) соблюдение этических норм; 5) проектирование военно-профессиональных задач; 6) саморазвитие личностных качеств и повышение показателей профессиональных особенностей личного состава¹³.

Освоенные командиром курсантского подразделения способности выполнения своих функциональных обязанностей проявляются в его умениях. Исходя из специфики воинского труда, наличие высокоразвитых коммуникативных, гностических, организаторских, рефлексивных умений у офицеров курсового звена является обязательным условием их успешной служебной деятельности. Так, коммуникативные умения влияют на правильное выстраивание взаимоотношений между объектами обучения и воспитания, позволяют грамотно выстраивать отношения с вышестоящим руководством. Гностические умения проявляются в способности выявления приоритетных целей, стоящих перед подразделением, анализировать результаты собственной деятельности и деятельности коллектива в целом, изучения опыта коллег. Особую роль стоит отнести организаторским умениям, поскольку они являются определяющими в служебной практике командиров курсантских подразделений. Их высокий уровень в целом способствует умелому руководству подчиненными, умению определить правильный подход к мотивации действий курсантов, грамотному планированию деятельности подразделения, эффективному контролю выполнения задач, коррекции своих действий для достижения более эффективного результата в будущем. Склонность к анализу и самооценке, признание ошибок и успехов в работе обеспечивают *рефлексивные умения* офицера. Рассматривая личностные качества руководителя, стоит отметить их практическую значимость в эффективности управления подразделением.

Деятельность командира сложна и многогранна как в мирное, так и в военное время. В его распоряжении находится большое число людей, значительные материальные ценности – ими нужно умело руководить и распоряжаться. Все это требует от него глубоких знаний, устойчивых умений и навыков, развитых личностных

качеств. Таким образом, совокупность данных составляющих определяет в целом культуру управленческой деятельности командира курсантского подразделения, которая является компонентом военно-профессиональной культуры офицера и определяет успех в достижении целей служебной деятельности.

---

¹ Абдалина Л. В., Гончаров С. А. Особенности воспитания гражданской ответственности будущих военных летчиков в образовательном процессе военного вуза // Современные наукоемкие технологии. Педагогические науки. – 2021. – № 12 (Ч. 1). – С. 114–118.

² Козлов О. А., Михайлов Ю. Ф. Модель формирования компетенций у обучающихся при изучении ими определенной дисциплины // Ученые записки ИУО РАО. Материалы Международной конференции «Современное состояние и пути развития информатизации образования в здоровьесберегающих условиях. – 2017. – № 4. – Вып. 64. – Ч. 1. – С. 38–43.

³ Вашкевич А. Н. Педагогическая профилактика профессиональных деструкций у командиров курсантских подразделений : дис. ... канд. пед. наук. Спец. 13.00.08. – Москва : Военный ун-т им. князя Александра Невского, 2010. – 221 с.

⁴ Пронин В. М. Педагогические условия предупреждения отчисления и повышения качества подготовки офицеров в вузах ВВ МВД России : автореф. дис. ...канд. пед. наук. Спец. 13.00.01. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский ун-т МВД РФ, 2005. – 26 с.

⁵ Васильев А. А. Применение инновационных технологий в муниципальном управлении // Проблемы местного самоуправления. – 2003. – № 2. – С. 42–48.

⁶ Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2002. – 527 с.

⁷ Слатенин В. А. Основные тенденции модернизации высшего образования // Педагогическое образование и наука. – 2004. – № 1. – С. 43–49.

⁸ Лизина Н. В. Управленческая культура как качественный показатель управленческой деятельности // Ползуновский вестник. – 2006. – № 1. – С. 231–234.

⁹ Иванов В. Н., Патрушев В. И. Социальные технологии : Учеб. пособие. – Москва : Муниципальный мир, 2004. – 478 с.

¹⁰ См. : Кравченко А. И., Тюрина И. О. Социология управления: фундаментальный курс : Учеб. пособие для студентов вузов. – Москва : Академический проект, 2006. – 1136 с.

---

¹¹ См. : Военная педагогика : учебник для курсантов высших военно-учебных заведений / Под ред. О. Ю. Ефремова. – Москва ; Санкт-Петербург : Питер, 2015. – 638 с.

¹² Маклаков А. Г., Бойко Е. А. Успешность военно-профессиональной деятельности и личностные характеристики военнотружущих по призыву с разными типами функциональной асимметрии // Вестник Ленинградского гос. университета им. А. С. Пушкина. – 2018. – № 4. – С. 28–36.

¹³ См. : Военная педагогика : учебник для курсантов высших военно-учебных заведений...

Е. Н. Лисова

СОЦИАЛЬНАЯ УСПЕШНОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ИНТЕРНАТНОГО ТИПА *

Социальная успешность выступает основополагающим критерием социального развития личности, ее адаптированности и социально-психологической компетентности (А. Бандура, Ф. Гиддингс, М. Долфнер).

До сих пор не установлено, происходит ли достижение признанности социальным окружением в определенной степени удовлетворенной своими социальными успехами личности, ее самореализованности в этом социальном окружении через то или иное положение в нем, если она была подвергнута материнской депривации.

Между тем, существует практическая необходимость в отслеживании эффектов социальной не успешности испытавшей материнскую депривацию личности в ее крайнем варианте – при воспитании в детских домах и учреждениях интернатного типа – в дальнейшей взрослой жизни.

При этом теоретическими основаниями анализа социальной успешности лиц с материнской депривацией выступают следующие основные положения.

1. Представления об успешности как социально-психологическом феномене, фиксирующем как собственную пози-

---

* © Лисова Е. Н., 2023.

цию субъекта, так и признание его со стороны других людей, обусловленное культурными и социально-историческими факторами¹.

2. Авторский подход к социальной успешности личности, имеющей структуру – включение в общество (самореализованность в обществе и удовлетворенностью социальной жизнью) и утверждения в нем (социальный статус и признание окружающими).

3. Феноменология ресурсов социальной успешности – практик социального партнерства и лидерства, внешней привлекательности, способностей, уверенности в себе, самостоятельности, субъективного контроля, уровня притязаний, коммуникативных навыков и социальной и профессиональной компетентности личности (Д. В. Лапин, Т. В. Максимова, Р. Стернберг, Е. И. Шепелевич, О. И. Якутина, M. Agthe, F. Foersterling, M. Spoerle);

4. Теории, включающие социальный уровень проявлений нарушений материнской депривации (Н. В. Виноградова, В. Н. Куровский, Г. Н. Пяткина, Л. С. Рычкова), исходно ограничивающим возможности ребенка, ее подвергнутого за счет недостаточного доверия к окружающим, снижению ценности совместной жизни и деятельности, ориентации не на социально одобряемые роли и модели поведения.

5. Идея о социально успешных семьях как семьях способных воспитывать детей в перспективе создающих такие семьи², а значит исключаящих низкую социальную успешность воспитанников детских домов и учреждений интернатного типа, которая позволяет рассматривать социальную успешность как ключевой параметр анализа и коррекции проблемных ситуаций лиц с материнской депривацией в онтогенезе

Пилотажное исследование социальной успешности выпускников детских домов и учреждений интернатного типа осуществлялось нами с учетом сложностей в привлечении интересующего нас контингента испытуемых и необходимости охватывать объемное и пролонгированно представленное социально-психологическое образование. В этой связи был выбран праксиметрический метод.

С целью квалификации социальной успешности выпускников детских домов и учреждений интернатного типа, мы охватили материалы форумов и социальных сетей, общей численностью 56 документов, являющихся описанием жизни после детского дома

его выпускников (как с личной позиции, так со стороны знакомых). Они были подвергнуты контент-анализу, опираясь на авторскую структуру социальной успешности.

Мы выяснили, что только в 10 случаях (17,8%) полностью выражена включенность в общество, то есть оба компонента – и самореализованность, и удовлетворенность. Это проявляется в продолжении обучения после выпуска из детского дома, получении высшего образования, хорошей работы, наличии планов на будущее, увлечении любимым занятием, построении отношений с любимым супругом и т.п.

Таким образом, определяется в большей мере исключенность из системы общественных связей и отношений.

В 26 случаях (46,4%) лица с выраженной материнской депривацией самореализованы в обществе. Это проявляется в двух вариантах:

социально приемлемом (удачное замужество, поступление в техникум, нахождении места работы в крупной компании, создании своей семьи, зарабатывании квартиры и машины, заведении ребенка и пр.) – 84,7%;

асоциальном (загульная жизнь, алкоголизация, ориентация исключительно на помощь государства и окружающих, не нахождение своего места в обществе) в 4 случаях (15,3%).

Асоциальные проявления вкупе с тенденцией на отсутствие выраженной самореализации могут свидетельствовать об ограниченности достижения успешности в этом плане за счет отсутствия образца для подражания и социальной поддержки.

В 18 случаях (32,1%) выпускники детских домов и учреждений интернатного типа удовлетворены социальной жизнью, а в 7 (12,5%) напротив, что выражается в первом случае в том, что “радуюсь жизни”, “жизнь стала налаживаться”, “не унываю, жизнь продолжается”, в легкости вливания в коллектив и приобретения друзей, заведении партнера (супруга), вообще наличии планов на будущее; а во втором – в неудовлетворенности (“хочу мороженого, но нет денег”, в неудовлетворенности выполнением бытовых обязанностей), в незнании, что делать в жизни, невозможности создать полноценную семью, в обвинении себя за вторичный возврат в детский дом, в психологически не благоприятном эмоциональном фоне (панические атаки, депрессия).

Скорее всего, невозможность самореализации в обществе усиливает эту тенденцию и в то же время детерминирует нереализованность в социальных отношениях за счет сложностей в совладании со своим состоянием и в построении и воплощении жизненных планов.

Расхождение между самореализованностью и удовлетворенностью социальной жизнью фактически дают два варианта: некоторые в значительной мере депривированные личности довольствуются малым, иные – недовольны достижениями в обществе.

В 13 текстах (23,2%) имеются оба признака утверждения в обществе (социальный статус и признание окружающих). Это заключается в широком круге друзей, налаженных контактах с коллегами и клиентами на работе, товарищами по благотворительной организации и др.

В этом случае опять же очевидна значительная ограниченность социальной мобильности людей с выраженной материнской депривацией в онтогенезе, что, как видим, с учетом социальной исключенности в большинстве случаев не позволяет своего рода “расти”, так как не происходит “укоренение”.

33 документов свидетельствуют об определенности социального статуса (59,0%), это главным образом социально приемлемый вариант – супруг, родитель, обучающийся, профессионал, но в 3 случаях (5,3%) статус в асоциальной сфере – бомж, зэк.

Надо полагать, что принятие и исполнение разных социальных ролей, по-видимому, дает ощущение самореализованности, и является одним из ключевых признаков социальной успешности лиц со значительной материнской депривацией.

Признание со стороны окружающих отмечается в 17 документах (30,3%), выражаясь в сотрудничестве с крупными компаниями, становлении в качестве наставника, оценке как человека эрудированного, в “ощущении, что кому-то нужен”.

Таким образом, у лиц с материнской депривацией возможны как случаи исключительно высоких социальных достижений фактически (главным образом в профессиональной сфере), так и самоприятия минимальной, но в то же время максимально личностно значимой социальной включенности.

Сопоставляя компоненты включенности и утверждения в социуме мы обнаруживаем в большей мере понимаемое достижение

социальной успешности (не исключен, выполняя определенные социальные функции) нежели принимаемое (удовлетворен и принят другими). Нельзя исключать при этом сосредоточение авторов текстов главным образом на крайних и наиболее запомнившихся им случаях, а также нежелании и невозможности социально неуспешных лиц с материнской депривацией в онтогенезе в принципе выражать и обсуждать свои жизненные истории.

Приходим к следующим выводам:

1. Социальная успешность выпускников детских домов и учреждений интернатного типа является значимым параметром анализа их адаптированности и эффективности работы соответствующих учреждений, а также прогнозирования и коррекции последствий материнской депривации.

2. Фиксируя позицию субъекта в его отношениях с другими людьми в ходе достижения социальной успешности, мы имеем возможность оценить включенность в общество в аспектах самореализованности и удовлетворенности и утверждения себя в аспектах достигнутого статуса и признания.

3. У выпускников детских домов и учреждений интернатного типа социальная успешность максимально поляризована. Определяется в большей мере исключенность из системы общественных связей и отношений и неполное утверждение в нем.

4. У выпускников детских домов и учреждений интернатного типа имеется значительное расхождение между большей распространенностью самореализованности в обществе, главным образом в социально приемлемой форме, и удовлетворенности социальной жизнью, а также между занятым статусом и более редким признанием со стороны окружающих.

---

¹ Рикель А. М. Некоторые аспекты социально-психологической проблематики успеха // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2012. – № 1. – С. 41–48.

² Kryan M., Moore K. A., Zill N. Research on successful families // U.S. Department of Health and Human Services Assistant Secretary for Planning and Evaluation. – 1990, May – 21 p.

О. П. Малютина, А. В. Дубко
УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ
ВУЗА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ *

Мы живем в интенсивно меняющемся мире, соответственно, и в динамическом образовательном пространстве. Изменения, происходящие в обществе, естественно, затрагивают и реформирование высшего образования, все интенсивнее перегружая преподавателя вуза. Поэтому вопрос удовлетворения его потребностей в профессиональной деятельности становится все более актуальным.

Д. А. Леонтьев так определяет понятие потребности: «(англ. needs) – форма связи живых организмов с внешним миром, источник их активности (поведения, деятельности)»¹ При этом «главным основанием для выделения видов потребностей является характер деятельности, к осуществлению которой потребность побуждают субъекта. Субъективно потребности переживаются в форме эмоционально окрашенных желаний, влечений, стремлений, а успешность их реализации – в форме оценочных эмоций...»². Нам же интересуют удовлетворение профессиональных потребностей вузовских преподавателей, что, несомненно, обеспечивает успешность профессиональной деятельности. Это возможно лишь при выполнении, как минимум, двух условий:

1. Сходство совокупности индивидуально-психологических свойств личности и требований, выдвигаемых профессиональной деятельностью;

2. На наш взгляд, наиболее значимое, согласованность специфики профессиональной деятельности ценностным ориентациям педагога Высшей школы.

Требования вузовского преподавателя к профессии базируются на подсознательной оценке собственных возможностей и желании выстроить паритет между этими характеристиками и особенностями профессиональной среды. В случае неуспеха в данном процессе, преподаватель либо уходит из профессии, либо выгорает³, что, несомненно, порождает худший сценарий.

С целью изучения удовлетворения профессиональных потребностей вузовских преподавателей мы провели опрос среди

---

* © Малютина О. П., Дубко А. В., 2023.

представителей данной профессии, относящихся к высшим учебным заведениям как гражданских, так и ведомственных вузов с помощью модифицированного варианта методики В. Д. Шадрикова «Анкета по изучению личностных ценностей рабочих профессий». Преподавателю предлагалась анкета-опросник, где нужно было сначала оценить по десятибалльной шкале соответствие, на взгляд респондента, перечисленных качеств идеалу профессии, т. е. той профессии, которую они желали бы иметь. Затем испытуемым рекомендовалось определить соответствие перечисленных качеств представлению опрошенных в реальной профессии. В опросе приняли участие 152 вузовских преподавателя (96 гражданских и 56 ведомственных) в возрасте от 26 до 68 лет и стажем работы от 4 до 42 лет. Среди них лишь 69 мужчин, что составляет 45,4% от всей выборки. Такой высокий процент мужчин связан с преподавателями ведомственных вузов (это, в основном, мужчины).

Проанализируем полученные результаты. Сравним (см. рис. 1) профили идеальной работы преподавателей ВУЗа с реальной.

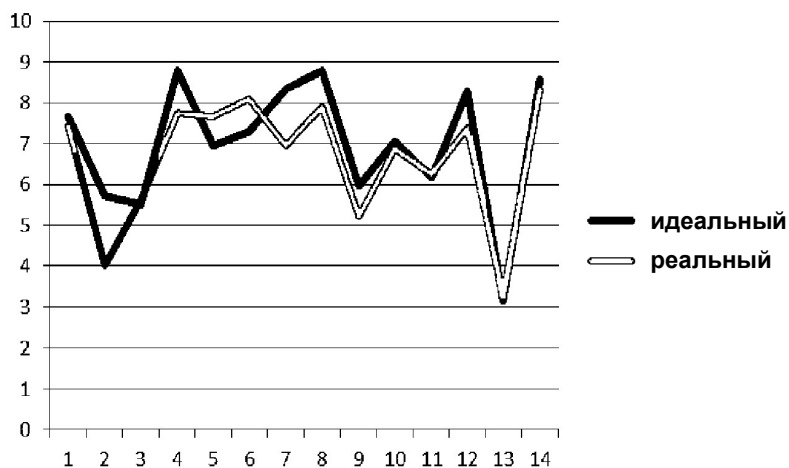

Рис.1. Расхождение «идеального» и «реального» профилей работы по опросу преподавателей ВУЗов

Заметим, по горизонтали указаны 14 качеств профессии, характеризующие условия труда: 1. Работа коллективная / индивидуальная; 2. Работа в смешанном коллективе (мужчины и женщины) / однородном; 3. Работа в коллективе сверстников / разновозрастном; 4. Работа, предполагающая возможность повышения квалификации / не предполагающая; 5. Работа, позволяющая продолжить образование / не позволяющая. 6. Работа, связанная с постоянным рабочим местом / требующая передвижений; 7. Работа, предполагающая возможность продвижения по должностной линии / не предполагающая; 8. Работа умственная / физическая; 9. Работа руководящая / исполнительная; 10. Работа, требующая инициативы, выдумки / не требующая; 11. Работа, предполагающая выполнение сменяющихся заданий / постоянных; 12. Работа, требующая постоянного совершенствования в ней / не требующая; 13. Работа с большими и тяжелыми деталями / с мелкими и легкими деталями; 14. Работа вручную / работа по наблюдению за автоматами), а по вертикали – баллы, которые выбирают преподаватели по каждому из качеств – условий труда.

Проанализируем соотношение средних показателей перечисленных качеств – условий труда идеалу профессии по опрошенным педагогам. Заметим, что самый высокий бал (8–9) преподаватели вузов поставили таким показателям как 1, 4, 8, 12, 14, предпочитая работу коллективную, предполагающую возможность повышения квалификации, умственную, требующую постоянного совершенствования и исключительно вручную. Как видим, все вполне ожидаемо для любого преподавателя, за исключением последнего пункта, который мы объясняем достаточно частым за последние три года вынужденным пребыванием на дистанте и масштабным документооборотом, который предполагает колоссальные временные затраты на работу с компьютером.

Вместе с тем, самые низкие баллы – (4 и 3) преподаватели Высшей школы поставили соответственно качествам – условиям труда 2 и 13 – работа в однородном коллективе (только мужчины или только женщины) и работа с большими и тяжелыми деталями.

Рассмотрим реальный профиль работы преподавателя вуза. Самые высокими баллами преподаватели выделили (8–9 баллов) следующие качества – условия труда: 1. Работа коллективная;

4. Работа, предполагающая возможность повышения квалификации; 5. Работа, позволяющая продолжить образование; 6. Работа, связанная с постоянным рабочим местом; 8. Работа умственная; 12. Работа, требующая постоянного совершенствования в ней; 14. Работа вручную. Заметим, что ровно 50% всех условий реального труда педагога Высшей школы оценили высоко.

Вместе с тем, самые низкие баллы 4 и 3, соответственно, получили такие качества – условия труда такие, как: 2. Работа в смешанном коллективе; 13. Работа с мелкими и легкими деталями. Следовательно, по этим пунктам наблюдается низкое оценивание реальной ситуации. Если с пунктом 2 все очевидно, то реальная оценка положения дел по пункту 13, мы предполагаем, связана с тем, что вузовский преподаватель часто вынужден носить с собой ноутбук, различные учебные пособия, ощущая себя носильщиком непосильных и громоздких грузов.

Сравнивая идеальный и реальный профили, мы не выявили значимых различий. Как видно из рис. 1, оба профиля очень близки друг к другу, более того коэффициент корреляции между идеальным и реальным профилем равен 0,55, что позволяет говорить о значимой прямо пропорциональной корреляционной связи ($\alpha \leq 0,01$). Мы обнаружили, что наибольшие совпадения наблюдаются по пунктам: 1. Работа коллективная; 3. В коллективе сверстников или разновозрастном (причем, предпочтения в одинаковой степени); 8. Работа умственная; 10. Работа, требующая инициативы, выдумки (причем в большей мере, чем не требующая); 11. Выполнение сменяющихся или постоянных заданий (причем, предпочтения в одинаковой степени); 13. Работа с мелкими и легкими деталями; 14. Работа вручную.

Одновременно максимальное расхождение между идеальным и реальным профилем, мы видим по таким пунктам как: 2. Работа в смешанном коллективе (мужчины и женщины) или однородном (2 балла только по этому пункту, по всем остальным лишь в один балл), т. е. в идеале работа в смешанном коллективе, а в реальности в однородном, что, собственно говоря, вполне логично, в гражданских вузах большинство преподавателей-женщин, а в ведомственных – мужчин; 4. Работа, предполагающая возможность повышения квалификации (в идеале хотелось бы больше); 5. Работа, позволяющая продолжить образование (здесь наоборот, хотелось бы

не столь перманентно обретать все новые и новые знания. Мы полагаем, что такой расклад объясняется регулярно изменяющимися требованиями к организации и проведению учебных занятий, связанными с непрерывным реформированием системы высшего образованием, к сожалению, не всегда конструктивным); 7. Работа, предполагающая возможность продвижения по должностной линии (в идеале хотелось бы, чтобы это происходило в большей мере); 9. Работа руководящая (в идеале хотелось бы больше руководить, чем исполнять. Снова объясняем данный факт колоссальными требованиями, предъявляемыми к преподавателям Высшей школы, особенно связанных с документооборотом); 12. Работа, требующая постоянного совершенствования (в идеале хотелось бы больше усовершенствовать свои преподавательские компетенции, реализуемые в конкретных знаниях, умениях и навыках, а не всепоглощающем документообороте⁴).

Таким образом, в семи пунктах из четырнадцати, мы обнаружили совпадение идеального и реального профиля профессии преподавателя вуза. Это значит, что удовлетворение потребностей преподавателя вуза в профессиональной деятельности выполняется лишь наполовину. Это притом, что мы даже не брали в рассмотрение удовлетворение материальных потребностей педагога, что значительно бы снизило наши показатели. Однако, даже в представленном нами аспекте, замечаем, что при желании приблизиться только к статистической норме нужно еще около 20%. Исходя из результатов нашего исследования, требуется улучшить ситуацию хотя бы по трем пунктам. В первую очередь, мы рекомендовали бы поднять на более качественный уровень повышение квалификации преподавателя (пункт 4), что позволило бы реализовывать и пункт 12 (работа, требующая постоянного совершенствования). Такой подход помог бы значительно рационализировать процесс обучения в вузе за счет внедрения новых образовательных технологий, освоенных преподавателями и минимизации проявления симптомов профвыгорания педагогов. Для выделения путей удовлетворения потребностей в профессиональной деятельности преподавателя Высшей школы по другим пунктам требуются дополнительные инструменты качественных исследований.

---

¹ Леонтьев Д. А. Потребности // Большой психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – 3-е изд., 2002. – С. 361. URL: <https://spbgu.ru/files/03-5-01-005.pdf> (дата обращения: 31.03.2023).

² Леонтьев Д. А. Указ. соч. – С. 362.

³ См. : Малютина О. П. О риске снижения работоспособности преподавателя в условиях интенсификации профессиональной деятельности // Вестник Воронежского гос. университета. Серия: Проблемы высшего образования. – 2015. – № 1. – С. 55–58.

⁴ См. : Гайдар К. М., Малютина О. П. Связь уровней коммуникативной компетентности и прокрастинации у педагогов // Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (11–13 декабря 2018г.) / Под общ. ред. А.В. Черной. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Foundation, 2018. – С. 290–296.

О. В. Тимофеева, И. В. Баушева **САМООТНОШЕНИЕ ЖЕНЩИН, ПРИБЕГАЮЩИХ К** **МОДЕЛИРОВАНИЮ ВНЕШНОСТИ ***

Все чаще женщины обращаются за моделированием внешности не по медицинским показателям и не имея явных внешних дефектов. Причины этого могут быть обусловлены желанием быть привлекательной, стремлением соответствовать стандартам моды, идеалам красоты, трендам и др.

Интересным представляется исследование самоотношения таких женщин. С одной стороны, им могут быть свойственны низкие самооценку, самопринятие, самопривязанность, самоуверенность, что выступит основой принятия решения о моделировании внешности с целью улучшения отношения к себе. С другой стороны, возможно именно высокие значения по этим же компонентам стимулируют женщину к самосовершенствованию, развитию, выступают основой проявления заботы о себе, своей внешности.

Поскольку самоотношение человека к самому себе является важнейшим аспектом жизни человека и включается в процесс лю-

---

* © Тимофеева О. В., Баушева И. В., 2023.

бого его проявления, нами было принято решение о проведении исследования самоотношения женщин, прибегающих к моделированию внешности.

Основатель гуманистического направления в психологии К. Роджерс связывает самоотношение с принятием себя, при этом, основными составляющими самоотношения выделяет самопринятие и самооценку¹.

Отечественный ученый В. В. Столин считает, что самоотношение является специфической активностью субъекта в адрес собственного Я. Ее содержание связано с внутренними действиями личности и установками на эти действия, выражающихся в эмоциональном и предметном аспектах².

По мнению С. Р. Пантилеева самоотношение представляет собой иерархически-динамическую систему, в которой в каждый момент времени «та или иная особенная модальность эмоционального отношения может выступать в качестве ядерной структуры системы, занимая ведущее место в иерархии других аспектов самоотношения и фактически определяя содержание и выраженность обобщенного устойчивого самоотношения»³.

Мы предположили, что на осознаваемом уровне самоуважение и аутосимпатия как компоненты самоотношения будут иметь более высокие значения у женщин, обращающихся к моделированию внешности. На неосознаваемом уровне их отношение к себе будет отрицательно.

Для проверки гипотезы нами было проведено исследование самоотношения женщин в возрасте 22–65 лет. Выборка составила 50 женщин, из которых 25 прибегают к моделированию внешности (группа 1) и 25 не прибегают (группа 2). Моделирование внешности, выполненное испытуемыми, – аугментация, контурная пластика лица, маммопластика. Базой исследования послужили клиника «S Class Beauty» и салон красоты «Beauty Buro» (г. Воронеж).

Для сбора эмпирических данных нами применялся метод стандартизированного самоотчета (методика исследования самоотношения С. Р. Пантилеева) и проективный метод (методика «Цветовой тест отношений» А. М. Эткинда).

Результаты исследования самоотношения на осознаваемом уровне отражены в таблице 1.

Таблица 1

Средние значения выраженности
компонентов самооотношения на осознаваемом уровне

	Закрытость	Самоуверенность	Саморуководство	Отраженное самооотношение	Самоценность	Самопринятие	Самопривязанность	Внутренняя конфликтность	Самообвинение
Группа 1	6,4	7,76	6	6,16	7,28	7,12	6,08	3,48	3,24
Группа 2	5,4	6,64	5,64	5,84	7	5,88	5	3,92	3,64

Данные, представленные в таблице, позволяют заключить, что у всех женщин вне зависимости от группы компоненты самооотношения выражены на среднем уровне. Вместе с этим, у женщин, обращающихся к моделированию внешности, составляющие самоуважения и аутосимпатии более выражены. Средние же значения по самоуничижению сильнее выражены у женщин второй группы.

Применение статистического метода (критерий U-Манна-Уитни) позволяет заключить значимые различия по выраженности самоуважения ($U_{Эмп} = 178,5; p \leq 0,01$) и аутосимпатии ($U_{Эмп} = 194,5; p \leq 0,05$). По выраженности самоуничижения различий между выборками нет ($U_{Эмп} = 289,5$).

Следовательно, на осознаваемом уровне самоуважение и аутосимпатия у женщин, обращающихся к моделированию внешности, выражена сильнее.

На неосознаваемом уровне выявлено, что 56% женщин, прибегающих к коррекции внешности, имеют положительное эмоциональное отношение к себе, 36% – нейтральное и 8% – негативное, конфликтное отношение. При этом, 80% женщин, не моделирующих внешность, имеют положительное отношение к себе, 20% –

нейтральное. В этой группе не выявлено негативного отношения к себе на неосознаваемом уровне.

Применение статистического метода для проверки имеющихся отличий в самоотношении женщин двух групп на неосознаваемом уровне позволяет заключить ($U_{\text{эмп}} = 189,5$; $p \leq 0,01$), что женщины, обращающиеся к моделированию внешности, имеют большее рассогласование рангов «привлекательности» и «ассоциируемых с собой». Это означает, что отношение к себе на неосознаваемом уровне у этих женщин в более конфликтно, чем у женщин, не обращающихся к моделированию внешности.

Таким образом, полученные данные показывают, что самоотношение женщин, прибегающих к эстетическому моделированию внешности, отлично от самоотношения женщин, не моделирующих внешность. На осознаваемом уровне женщины, корректирующие внешность, демонстрируют высокий уровень самоуважения и аутосимпатии, а на неосознаваемом уровне их самоотношение отрицательно. Таким образом, выдвинутая нами в исследовании гипотеза не отвергается.

На наш взгляд, согласованное (на осознаваемом и неосознаваемом уровнях), положительное отношение к себе у женщин второй группы базируется на принятии себя, своей внешности, возраста и предстоящих изменений. У женщин же первой группы, считаем, выявленное рассогласование может быть связано с тем, что проведенное моделирование внешности могло сказаться на повышении самопринятия, самооценности, самопривязанности, самоуважения. Однако это изменение не затронуло более глубокий неосознаваемый уровень самоотношения.

В этой связи в качестве перспектив исследования выступает изучение динамики самоотношения женщин, обращающихся к моделированию внешности. Интересным представляется диагностика самоотношения на осознаваемом и неосознаваемом уровне у женщин, обращающихся впервые. Вероятно, у них осознанное и неосознанное самоотношение будет негативно. Именно оно подталкивает женщин к моделированию внешности, а реализованные изменения отражаются на оптимизации отношения к себе только на осознаваемом уровне (результаты настоящего эмпирического исследования). Для принятия себя, положительного отношения к себе важна углубленная психологическая работа. Безусловно, отноше-

ние к своей внешности, забота о ней – существенная часть самоотношения женщин. В какие-то моменты жизни оно может выходить на первые планы, но принятие/непринятие своей внешности является лишь частью многогранного восприятия и отношения человека к себе.

---

¹ Роджерс К. К науке о личности // История зарубежной психологии. 30-е – 60-е годы XX века. Тексты / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. – Москва : Изд-во МГУ, 1986. – С. 200–230..

² См. : Столин В. В. Самосознание личности. – Москва : Изд-во МГУ, 2018. – 284 с.

³ См. : Пантилеев С. Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. – Москва : Изд-во МГУ, 1999. – С. 28.

И. В. Юрченко **ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ** **ПОДРОСТКОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ***

В современном мире социальные сети представляют собой один из инструментов общения для людей любого возраста. Они стали незаменимой частью нашей жизни, органично встроившись в повседневную коммуникацию.

По мнению М. С. Безбоговой, «социальная сеть – это виртуализированная социальная среда, в которой личность устанавливает, расширяет и углубляет социальные связи, формируя специфическую структуру отношений, социализируется, самореализуется, генерирует и потребляет любую интересующую информацию через различные коммуникационные каналы в определенных формах»¹. Часто социальные сети рассматривают как объединение пользователей на основе общего критерия, необходимого для совместного общения по интересам, задачам, ценностям. Отличительной особенностью любой социальной сети является наличие уникальной пользовательской страницы, аккаунта, которая позволяет презенто-

---

* © Юрченко И. В., 2023.

вать себя, выложив фото, видео, заметки, и подстроить контент соцсети под свои предпочтения.

Анализируя функции социальных сетей, Т. С. Садыгова выделяет несколько основных:

1. Коммуникационная функция, которая позволяет «устанавливать контакты, удовлетворять потребность в общении и поддержке, обмениваться информацией и расширять круг общения».

2. Социализирующая функция. Даже юные пользователи социальных сетей имеют определенный опыт взаимодействия к моменту приобретения профиля в сети, а арсенал сетей позволяет им в короткий срок усваивать опыт других людей, их знания, представленные в виртуальном пространстве в концентрированном и относительно безопасном виде. Эта функция способствует «преодолению коммуникационных барьеров, упрощению общения и достаточно легкой социализации индивидов, которые испытывают трудности в реальном общении».

3. Информационная функция связана с возможностью предоставлять информацию, причем разными способами. В социальных сетях пользователь выступает и как коммуникатор и реципиент информации, получает возможность выбирать, «отсеивать» информацию, распространять ее на большую аудиторию.

4. Идентификационная функция. При формировании социального «Я» очень важно причислять себя к определенной группе, искать «близких», выстраивать дистанцию с «не близкими». Социальные сети существенно облегчают этот процесс, так как позволяют указать необходимые опции изначально: интересы, предпочтения, принадлежность к определенной социальной группе. Также они позволяют варьировать социальные роли, нормы и сценарии, публичность и реалистичность презентации личности в сети.

5. Развлекательная функция. Сеть наполнена развлекательным контентом на любой вкус, позволяющим отвлечься от реальности, «разгрузиться», наполниться позитивными эмоциями. Однако за подобной формой развлечения может стоять необходимость отстраниться от реальности, уйти в виртуальное пространство, что приводит к избеганию повседневности, поиску «идеальной жизни», неудовлетворенности собой.

6. Самоактуализирующая функция. Социальные сети позволяют проявиться, реализовать свой творческий потенциал, обозна-

чить то, что человек не решался показать, безотносительно социальной роли, направления деятельности, только на основе творчества².

Таким образом, социальные сети способствуют идентификации, самореализации, самопрезентации, социализации и самоактуализации личности³.

Особенно популярны социальные сети среди подростков, которые часто используют их для общения со сверстниками.

Наиболее популярными соцсетями среди российских подростков являются Telegram, YouTube, Likee, Twitter, подзабытый ВКонтакте, до недавнего времени модные, но сейчас, в связи с блокировкой растерявшие позиции, TikTok и Instagram.

Мы считаем, что основными причинами популярности выбранных социальных сетей являются возможность поддерживать связь со своими друзьями и знакомыми, узнавать о новостях, мероприятиях и трендах, а также публиковать свои фотографии и видео. Любые социальные сети характеризует условная реальность, моделируемая в них, многокомпонентность, которой они насыщены и, лежащее в их основе, активное взаимодействие. Эти особенности и обеспечили их востребованность и популярность в современном мире.

Виртуальное общение может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на психологическое благополучие подростков, в зависимости от его использования.

Одним из ключевых позитивных аспектов общения подростков в социальных сетях является формирование личности. Последние исследования показывают, что социальные сети могут стать для подростков площадкой, на которой они могут выражать свои мысли, чувства и идеи. Важным аспектом общения подростков в социальных сетях является развитие навыков социального взаимодействия, многие из них используют социальные сети для налаживания новых отношений и общения с друзьями.

Нам представляются интересными результаты исследования, проведенного в 2020 году на базе Института социологии РАН в рамках которого опросили более 2000 подростков в возрасте от 12 до 17 лет в России. Согласно его результатам выяснили, что подростки используют социальные сети для общения со своими друзьями и знакомыми (84%), для общения с новыми людьми (47%), для

просмотра интересного контента (79%), и для поиска информации о своих интересах (42%).

Более того подростки отмечали, что общение в социальных сетях обычно более открытое, чем в реальной жизни, и они часто чувствуют большую свободу выражения своих мыслей и чувств. Подростки существенно отличаются от предыдущих поколений интернет-пользователей тем, что больше склонны к использованию эмодзи и смайликов в своих сообщениях, чем к использованию слов. Кроме того, в социальных сетях они имеют возможность использовать более широкий спектр коммуникативных стратегий, таких как мемы и стикеры, что помогает выражать эмоции и мысли точнее. Подростки могут вести целые разговоры с помощью мемов, основу которых всегда составляет юмор, и использовать их для обсуждения широкого круга проблем: от политики и культуры до сугубо личных тем⁴.

Негативные факторы общения в социальных сетях, могут включать в себя угрозы безопасности, цифровую зависимость, кибербуллинг и многое другое. Опросы последних лет показывают, что 53% подростков проводят в социальных сетях от 1 до 3 часов в день, а каждый четвертый подросток (25%) проводит в социальных сетях до 5 часов в день. Этот достаточно продолжительный временной отрезок, растроченный в социальных сетях, может приводить к снижению успеваемости и концентрации внимания у подростков в школе.

60% подростков отметили, что чувствуют сильное давление со стороны социальных сетей и часто сравнивают себя с другими людьми в сети. Некоторые (25%) могут испытывать трудности в установлении контакта с другими людьми, что рождает чувство одиночества и изоляции.

58% опрошенных заявили, что они испытывают стресс от отсутствия доступа к социальным сетям, а каждый четвертый подросток (25%) заявил, что постоянно проверяет свои социальные сети, чтобы не пропустить что-то важное. Также было выявлено, что 45% подростков признают, что социальные сети могут вызывать зависть и снижать уверенность в себе, а 37% подростков заявили, что они боятся, что их фотографии и сообщения могут быть использованы против них.

Социальные сети могут оказывать существенное влияние на эмоциональное состояние подростков. Исследования показывают, что негативные комментарии и оскорбления в социальных сетях, пренебрежение приватностью могут привести к развитию тревожности и депрессии у подростков, буллингу в их адрес.

Согласно опросу 40% подростков заявили о том, что сталкивались с негативными комментариями в социальных сетях, а 20% из них признались, что это повлияло на их самооценку и эмоциональное состояние.

Данные результаты подтверждают важность осознанного и осторожного использования социальных сетей подростками, а также необходимость сопровождения подростков в их использовании. Не стоит запрещать подросткам использовать социальные сети полностью, ведь это может привести к тому, что они будут использовать их тайно, без разрешения родителей.

Чтобы помочь подросткам использовать социальные сети безопасно и эффективно, предлагаем несколько рекомендаций:

1. Объясните подросткам, что все, что они публикуют в социальных сетях, может оказаться в общественном доступе. Подростки должны быть внимательны к тому, что они публикуют, и не раскрывать личную информацию.

2. Убедите их, что важно поддерживать хорошие отношения со своими друзьями, не переходить границы вежливого общения и не использовать соцсети для причинения вреда другим людям, не опускаться до оскорбления и унижения собеседников.

3. Сформулируйте свод требований и правил использования социальных сетей. Объясните, что возможно к публикации в сети, чем подросток может поделиться, а что нельзя разглашать и почему. Установите границы публичности информации о нем. Помните, что можно использовать настройки приватности для ограничения доступа к своему профилю.

4. Научите их быть осторожными с незнакомыми людьми. Никогда не следует делиться с ними личной информацией или встречаться с ними в реальной жизни без согласия родителей.

5. Если вы заметили, что подросток стал жертвой кибербуллинга или вас беспокоит какое-то другое поведение, связанное с социальными сетями, обратитесь за помощью к специалистам. Су-

ществует множество ресурсов и организаций, которые могут помочь в таких ситуациях⁵.

Важно учить подростков быть ответственными и дисциплинированными в использовании социальных сетей. Они должны знать, что всегда могут обратиться к взрослым за помощью и поддержкой. Необходимо помнить, что каждый подросток уникален и нуждается в индивидуальном подходе к обучению безопасности в сети.

В целом, социальные сети могут быть полезными инструментами для общения и социализации подростков, но только при правильном использовании.

---

¹ Богданова Е. В. Социальные сети как пространство воспитания подростков // Педагогическое образование : Вызовы XXI века. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конф., посвященной памяти акад. В. А. Сластёнина / Под ред. Е. В. Андриенко, Л. П. Жуйковой. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2019. – С. 277.

² Садыгова Т. С. Социально-психологические функции социальных сетей // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2012. – № 3 (10). – С. 193.

³ Безбогова М. С. Социальные сети как фактор формирования социальных установок современной молодежи. Дисс. ... канд. психол. наук, спец. 19.00.05 Социальная психология. – Москва, 2016. – С. 74.

⁴ См. : Самыгин С. И., Попов М. Ю., Загутин Д. С. Социальные сети как социальный институт социализации молодёжи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 5. – С. 47.

⁵ Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение : учебник. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – С. 112.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абдалина Л. В. – доктор психологических наук, профессор каф. педагогики и педагогической психологии.
- Азнаурьянц А. А. – аспирант каф. общей и социальной психологии.
- Баушева И. В. – магистрант каф. общей и социальной психологии.
- Велимедова О. В. – кандидат психологических наук, доцент каф. общей и социальной психологии.
- Воротягин А. В. – курсовой офицер-преподаватель, ВУНЦ ВВС «ВВА».
- Гайдар К. М. – доктор психологических наук, доцент, зав. каф. общей и социальной психологии.
- Дубко А. В. – студентка факультета прикладной математики, информатики и механики ВГУ.
- Завгородняя И. В. – кандидат психологических наук, доцент каф. общей и социальной психологии.
- Зайцев А. В. – начальник отделения кадров в/ч 40491.
- Кончакова Е. В., аспирант каф. общей и социальной психологии.
- Коровин В. Ю. – кандидат философских наук, преподаватель каф. истории философии и культуры, зав. отделом по научной работе музея-усадьбы Д. В. Веневитинова (Воронеж).
- Лебедев М. А. – начальник курса ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», г.Воронеж.
- Лисова Е. Н. – кандидат психологических наук, доцент каф. общей и социальной психологии.
- Малютина О. П. – кандидат физико-математических наук, доцент каф. общей и социальной психологии.
- Моу Шужань – аспирант каф. педагогики и педагогической психологии.
- Серебрякова Е. Г. – доктор культурологии, доцент каф. истории философии и культуры.
- Сулимов С. И. – доктор философских наук, доцент каф. истории философии и культуры.

Тимофеева О. В. – кандидат психологических наук, доцент каф. общей и социальной психологии.

Тихонова И. Ю. – кандидат философских наук, доцент каф. онтологии и теории познания.

Шаповалов И. С. – аспирант каф. истории философии и культуры.

Шурина В. Г. – аспирант каф. истории философии и культуры.

Шурыгина М. А. – магистрант 2 к. каф. онтологии и теории познания.

Юрченко И. В. – кандидат психологических наук, доцент каф. общей и социальной психологии.

Научное издание

ВЕСТНИК
научной сессии факультета
философии и психологии

В ы п у с к 23

Издано в авторской редакции

Подписано в печать 13.11.2023. Формат 60×84/16.
Усл. п. л. 7,5. Тираж 100 экз. Заказ 506

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3